

К. П. ЗАКАЛЮК

ГРАЧЕВ — «ЦЕНТРУ»

ГЕРОИ СОВЕТСКОЙ РОДИНЫ

ГЕРОИ СОВЕТСКОЙ РОДИНЫ

К. П. ЗАКАЛЮК

ГРАЧЕВ—«ЦЕНТРУ»

Москва • Издательство политической литературы • 1977

9(C)27

З-19

Закалюк К. П.
З-19 Грачев — «Центру». М., Политиздат,
1977.

120 с. с ил. (Герои Советской Родины).

Легендой вошли в летопись Отечественной войны подвиги отважного чекиста Николая Ивановича Кузнецова из оперативной группы специального назначения «Победители», действовавшей под Ровно. Герою-разведчику, вся жизнь которого была примером беззаветного служения Родине, посвящена книга журналиста К. П. Закалюка. Она адресована массовому читателю.

З $\frac{10604-071}{079(02)-77}$ 239-77

9(C)27

© ПОЛИТИЗДАТ, 1977 г.

Воскрешая славу партизан-патриотов...

В конце 1943 года прессу и радио мира обошли сообщения одно сенсационнее другого: «Стокгольм, 17 декабря (ТАСС). Немецко-фашистская газета «Минскер цейтунг» сообщила, что на днях в своем служебном кабинете был убит один из гитлеровских главарей в Ровно — обер-фюрер СС Альфред Функ». Незадолго до этого стало известно, что в Ровно 15 ноября похищены «генерал войск «Остентруппен» генерал-майор Ильген» и гауптман Гранау — личный шофер рейхскомиссара Украины Коха. 15 февраля 1944 года «Правда», как и многие другие газеты, писала: «Стокгольм. По сообщению газеты «Афтенбладет», на улицах Львова среди бела дня неизвестным, одетым в немецкую военную форму, были убиты вице-губернатор Галиции д-р Оттон Бауэр и высокопоставленный чиновник д-р Генрих Шнайдер. Убийца не задержан».

Тот, кто в ту пору читал эти сообщения, вряд ли мог догадаться о какой-либо связи между ними. В действительности же ликвидация гитлеровских сатрапов, похищение командующего карательными войсками были связаны с именем одного и того же человека — советского разведчика Николая Кузнецова.

В докладе в связи с 20-летием Победы советского народа над фашистской Германией Л. И. Брежнев высоко оценил подвиг партизан, подпольщиков, разведчиков. В частности, он сказал:

«Воскрешая славу партизан — патриотов Отечественной войны 1812 года, Отечественная война 1941—1945 годов вписала в историю нашей страны рядом с именами Дениса Давыдова и Василисы Кожинной имена Сидора Ковпака и Константина Заслонова, Николая Кузнецова и Веры Хоружей...»

Николая Ивановича Кузнецова помнит благодарная Родина.

Как справедливо отмечают исследователи, Кузнецов много сделал как разведчик. Не случайно в одном из томов «Истории Великой Отечественной войны» портреты Николая Кузнецова и Рихарда Зорге помещены рядом. Это два крупных разведчика нашей страны периода второй мировой войны.

...Ненависть к фашистам жгла сердце патриота. Он просил, настаивал, требуя у командования разрешения на уничтожение врагов. Ему отказывали: сведения, которые сообщал Кузнецов, стоили головы любого, даже самого крупного гитлеровского главаря. Разведчика берегли. Наконец, обстановка потребовала, чтобы он выполнил особо важные задания «Центра». И в открытых схватках он сумел победить врага сильного, изощренного в коварстве. Дерзость и смелость проведенных Кузнецовым операций в Ровно, Львове и других городах и селах оккупированной гитлеровцами Украины ставят его в ряды прославленных героев минувшей войны.

В мемуарной литературе есть такой эпизод. На одной из встреч Зиберта — Кузнецова со штурмбан-фюрером СС фон Ортелем этот матерый гитлеровский контрразведчик, захмелев, обратился к Зиберту с такими доверительными словами:

— Вы слышали, Пауль, в городе появился большевистский террорист? Действует в форме немецкого офицера. Как ариец, член партии фюрера я ненави-

жу его. Он служит коммунистам. Но я отдаю ему должное. Хитрая бестия! Отчаянный черт! Это же надо быть таким: днем, в центре города расстреливает одного, другого генерала и спокойно, безнаказанно уходит от нас...

Спрашивается: откуда взялось все это, как сложился характер, соединивший в себе самоотверженность, преданность Родине, редкое упорство и настойчивость? Как произошло, что крестьянский сын из таежной уральской деревушки Зырянка вырос человеком большой культуры и невиданного мужества? Случайность? Безусловно исключается.

Основные вехи биографии Николая Кузнецова — годы, когда он учился, когда крепла его воля и формировался характер, — совпадают с важнейшими этапами истории нашей Родины. Это были годы, когда страна, преодолевая трудности, строила социализм, годы, переплавлявшие человеческие судьбы и характеры.

Перед самой войной Николай с братом Виктором побывали на Красной площади. Выйдя из Мавзолея, Коля сказал:

— Ну вот и сходили на поклон к Ильичу. Я не первый раз посещаю Мавзолей. И всегда иду будто на исповедь. Смотрю на Ленина и думаю: вот он, титан человеческого духа, создавший партию, которую народ назвал умом, честью и совестью нашей эпохи! Ленин перевернул мир... Смогу ли я прожить так, чтобы обо мне сказали: «Он был настоящим ленинцем...»?

Неполных тридцать три года прожил Кузнецов. Но эта недолгая жизнь раскрывает замечательный характер советского человека, воспитанного Коммунистической партией. «Отдаю жизнь за святое, правое дело», — записал Николай Кузнецов, отправля-

ясь на смертельно опасное задание. Его жизнь стала легендой, а легенда — кодексом мужества, на котором воспитывается молодое поколение. И этим пламенный советский патриот доказал, что до последнего дыхания остался верен своей высокой жизненной цели.

«...Речь шла не о храбрости Николая Ивановича, а о чем-то несравненно более высоком, — пишет командир отряда «Победители», Герой Советского Союза полковник Д. Н. Медведев в книге «Сильные духом», — о способности человека к самопожертвованию, к обдуманной сознательной гибели во имя патриотического долга... он (Кузнецов. — К. З.) находился к тому же в исключительно сложных условиях, требовавших для совершения акта самопожертвования гораздо больших душевных сил, чем обычная боевая обстановка... Но за линией фронта, в оккупированном городе человек идет на подвиг один в стане врагов. Здесь ничто не стимулирует этот подвиг, кроме мыслей и чувств самого человека... чтобы в этих условиях совершенно сознательно, преднамеренно, по заранее разработанному плану совершить акт возмездия...»

С тех пор как еще в 1945 году В. А. Бегма, секретарь Ровенского подпольного обкома Компартии Украины, в своей брошюре «Злодеяния немцев и народная борьба на Ровенщине» впервые рассказал о загадочном «гауптмане» — партизане Г., подвигам Грачева — Кузнецова посвящены тысячи страниц. Они написаны его боевыми друзьями, сподвижниками по борьбе в глубоком тылу противника, родными и близкими, знавшими героя с детских лет, и в них дан ответ на многие из поставленных в этой книге вопросов. Однако и до сих пор нет еще книги, которая бы всесторонне, а главное, с объективной досто-

верностью освещала жизнь-подвиг героя. Здесь автором делается попытка собрать воедино то, что очевидцы запомнили о боевом друге, и тем самым в какой-то мере воссоздать образ незаурядного человека, показать становление его как разведчика и советского патриота.

И все же эта книга не может претендовать на полное и всестороннее освещение удивительной судьбы Героя Советского Союза Николая Ивановича Кузнецова. Это только страницы из жизни-подвига славного сына Родины.

Наряду с опубликованными книгами и воспоминаниями о Кузнецове автор использовал материалы архивов, музеев. Немало сведений почерпнуто в бесчисленных встречах с бывшими боевыми друзьями, родными и близкими героя, в исторической литературе и мемуарах. Позвольте, дорогой читатель, это предисловие к разговору о легендарном герое закончить пламенными словами первого человека Вселенной летчика-космонавта Юрия Гагарина:

«Образ народного мстителя Кузнецова Н. И. всегда был для меня примером беззаветного служения своему народу, своей Родине.

Пусть же слава о храбром партизане Николае Кузнецове останется навсегда в наших сердцах, в сердцах молодого поколения».

С чего начинается подвиг

Описание жизни замечательных людей обычно начинают с детских лет героя. Вопреки традиции, ибо разведчиками, как и солдатами, не рождаются, наше повествование начнем с эпизода, о котором Н. И. Куз-

нецов в партизанском лесу рассказал своему другу А. В. Цессарскому, врачу отряда «Победители».

— Николай Иванович сидел на поваленном стволе березы и сосредоточенно смотрел в одну точку,— вспоминает Альберт Вениаминович.— Я тихо подошел к нему сзади:

— Как чувствуете себя, коллега?

— О, ганц гут. Данке, коллега,— быстро ответил Кузнецов, обернувшись.

Шутливое обращение «коллега» вошло у нас с ним в привычку.

— Врасплох вас не застанешь,— сказал я, разглядывая его лицо.

Он был утомлен, белки глаз пожелтели. Может быть, лучше еще отдохнуть денек-другой?

Кузнецов угадал мои мысли.

— Оставьте, доктор. Я свеж и здоров.— Он отвечал по-немецки.— А сосредоточен потому, что тренируюсь, учусь не только говорить, но и думать на немецком языке. Вам понятно?

— Не очень.

Он посмотрел на меня:

— Вы же знаете эту мою дурную привычку разговаривать во сне. Чего только не пробовал, чтобы избавиться от нее! Велел обливать меня во сне холодной водой, но пока не помогает. Так вот, если я в городе устану, и засну где-нибудь в гостях у «друзей», и вдруг заговорю во сне, лучше это было бы по-немецки...

Когда бы я его ни видел, он всегда в чем-нибудь тренировался. То учился стрелять «навскидку», как он выражался.

— Понимаете, в нашем деле в любой момент может возникнуть ситуация — целиться некогда. Все решают секунды и точность.

И целыми часами на привалах вышагивал среди деревьев, ежеминутно выхватывая из кармана незаряженный пистолет, наводил, целился, нажимал на спуск, прятал в карман, снова выхватывал... И так без конца.

То учился прыгать. Или ездить на мотоцикле.

И вот теперь опять тренировка. Я присел рядом.

— Мне кажется, Николай Иванович, вы тренируетесь всю жизнь. Вероятно, с самого детства у вас уже было стремление стать разведчиком...

Он с удивлением поглядел на меня, усмехнулся:

— Призвание? Я объясняю это заблуждение вашей молодостью, коллега! (А. Цессарскому было 22 года.— *К. З.*)

Тогда он мне ничего определенного не сказал. Но через несколько дней наш разговор продолжился.

На очередном привале я услышал, как неподалеку Кузнецов что-то быстро и громко говорит по-немецки. Подошел ближе. Он один энергично шагал назад и вперед среди деревьев, горячо и страстно декламируя стихотворение немецкого поэта-коммуниста Иоганнеса Бехера «Парашютист». Стихотворение о коммунисте, который идет в самое логово врага, чтобы сражаться с фашизмом. Очень оно по духу соответствовало нашим делам. Я никогда не видел Кузнецова таким. К концу каждой строки он закидывал назад голову и отрубал что-то невидимое ладонью. Меня поразили его глаза, сияющие, счастливые. Он заметил меня, осекся. Неловко погладил шелковистый ствол березки, подмигнул мне.

— Бетула веррукоза — вот как зовут эту красавицу.— И на мой недоуменный взгляд пояснил: — Я ведь был когда-то лесоводом, дорогой коллега, а война для меня не профессия и не призвание. Война — необходимость. Впрочем, как и разведка... — Он

замолчал, задумался, видимо перенесясь в эту минуту во что-то далекое, сокровенное. Потом вдруг ожился, встряхнул головой: — Призвание... Одно призвание было — служить Родине! Так, как это требуется в трудную минуту. А профессия... Профессия была обычная... созидательная... — Кузнецов посмотрел куда-то вверх, где качались верхушки деревьев в еще светлом предвечернем небе, где кружил ястреб и высоко-высоко плыли малиновые облака, и тихо сказал: — Выращивать лес. Вот это и было моей профессией...

Необходимость! Вот что сделало Кузнецова разведчиком. С первых же дней существования Советской власти, на знамени которой было написано «Мир!», враги навязали нам эту необходимость. И мы оттачивали свое оружие разведки и в бескровных схватках, и в смертельных боях как оружие защиты.

Он с детских лет любил природу, готовился стать агрономом, а потом лесоводом. До сих пор в Кудымкарском лесхозе хранятся планшеты лесных дач, на которых стоит подпись: «Таксатор Н. Кузнецов», а в экспозиции Коми-Пермяцкого окружного краеведческого музея — гербарий, собранный его руками в Талицком районе Уральской области в 1933 году. Потом он работал на Уралмаше. Николая всегда влекло изучение языков, и к ним у него были незаурядные способности. Со школьных лет он учил немецкий язык, которым к зрелому возрасту овладел почти в совершенстве (об этом ниже будет рассказано подробнее). Товарищи убеждали Николая, что блестящее знание немецкого языка должно быть им использовано на благо Родины. И он делает выбор. Весной 1938 года Кузнецов переходит на службу в органы государственной безопасности. Так еще в довоенные

годы Николай Кузнецов стал солдатом невидимых сражений.

Советский разведчик полковник Абель, рассказывая о себе, говорил:

— Известно, что разведчику приходится действовать во вражеском окружении, постоянно подвергая свою жизнь опасности. Сложность и разносторонний характер задач, над решением которых трудятся советские разведчики, требуют творческого овладения марксистско-ленинской теорией, четкой ориентации в политической обстановке, умения разъяснить политику нашей партии и Советского государства. Разведчик должен иметь хорошую общеобразовательную подготовку, широкий кругозор, знать иностранные языки.

Условия работы и обстановка в капиталистических странах обязывают разведчика постоянно быть бдительным, тщательно соблюдать правила конспирации. Преданность своей Родине, честность и дисциплинированность, самоотверженность, находчивость, умение преодолевать трудности и лишения, скромность в быту — таков далеко не полный перечень требований к деловым, политическим, личным качествам советского разведчика...

Разведка — это не приключенчество, не какое-либо трюкачество... а прежде всего кропотливый и тяжелый труд, требующий больших усилий, напряжения, упорства, выдержки, воли, серьезных знаний и большого мастерства.

Помните, как говорил Дзержинский:

«Чистые руки, холодная голова и горячее сердце...»

В этих скупых, но точных словах заложен исключительно глубокий смысл. Они, если хотите, являются своего рода компасом для разведчика, помо-

гают находить силы и мужество в любой обстановке.

И все это словно сказано о нашем герое. Именно эти черты были характерны для Николая Кузнецова. Они проявились в нем еще в дни комсомольской юности, в условиях жесточайшей классовой борьбы.

...Шел 1929 год. Райком ВЛКСМ и профком Талицкого лесотехникума в эти дни так характеризовали своего инициативного, чуткого товарища: «...Кузнецов, находясь в техникуме с 1927 года, вел общественную работу, а именно: был ответственным секретарем ячейки Осоавиахима с 1927 по 1928 год. Член профкома в должности предкульткомиссии. В настоящее время является председателем профкома ТЛТ (Талицкого лесотехникума.— К. З.). Кроме того, тов. Кузнецов в течение учебы в техникуме участвовал в повседневной низовой работе в техникуме и вне его по кампании, как-то: хлебозаготовки, посевная кампания и другие работы».

Но в декабре 1929 года комсомолец Кузнецов был незаслуженно оклеветан теми, кому не нравились его прямота, кристальная честность и беззаветная преданность Родине, комсомолу. Николаю было предъявлено обвинение в том, что он якобы при поступлении в техникум скрыл свое социальное происхождение как сын кулака и бандита. Ни секретарь комсомольской ячейки техникума, ни Талицкий райком ВЛКСМ не разобрались в том, что это была гнусная клевета, подтасовка фактов, и 18 декабря 1929 года Кузнецов был исключен из рядов ВЛКСМ и с последнего курса техникума.

Вместе с тем, как пишет в газете «Тюменская правда» научный сотрудник партийного архива Тюменского обкома КПСС Н. Радченко, документы, хранящиеся в этом архиве, свидетельствуют о том, что

крестьянская семья Кузнецовых была середняцкой. Жила она исключительно своим трудом. Отец Николай, Иван Павлович, в период гражданской войны вступил добровольцем в 5-ю армию, которой командовал прославленный советский полководец М. Н. Тухачевский, участвовал в освобождении Сибири от колчаковских банд, дошел до Красноярска. В марте 1920 года красноармеец Кузнецов Иван Павлович «действительно достиг 45-летнего возраста, вследствие чего, во исполнение приказа войскам 5-й Армии от 2 марта с. г. за № 33, уволен в первобытное состояние», то есть был демобилизован. Вернувшись домой, он занялся крестьянским трудом.

Брат и сестра героя вспоминают, что Николай был потрясен исключением из комсомола, страшно переживал. «Дома, когда мать уговаривала сына бросить хлопоты, не мучить себя переживаниями, Ника¹ с суровой решимостью ответил: «За правду я буду стоять насмерть!»»

Николай всецело отдается работе в коммуне «Красный пахарь» Балаирского сельского Совета, в которую он и его родные вступили в мае 1929 года.

Николай Кузнецов обращается с заявлением в Тюменский окружком ВЛКСМ и в ЦК ВЛКСМ с просьбой восстановить его в комсомоле. Этот документ — исповедь молодого человека, уверенного в своей правоте, убежденного юного ленинца.

Немногое дошло до нас из написанного рукой Кузнецова. Поэтому с таким волнением читаем страницы его заявления в Тюменский окружком от 31 января 1930 года:

¹ При рождении Н. И. Кузнецов был назван Никанором; впоследствии сменил имя на Николая. Ника — так его звали в семье. — К. З.

«...С 1920 года я пошел учиться в школу и учился до 1927 года в семилетке и техникуме сельскохозяйственном. В 1925 году вступил в пионеры... В 1926 году вступил в кандидаты ВЛКСМ как середняк, а до революции — из зажиточных. В 1927 вступил в ТЛТ и зимой был переведен в члены ВЛКСМ. В техникуме со дня поступления и до настоящего времени работал на общественной работе. ...Весной, в мае, вступил в коммуну «Красный пахарь», где работал рядовым коммунарком, и сейчас также все силы отдаю общественной работе... Итак, прошу восстановить... Знания, полученные в техникуме, передам коммуне на общественной работе. С товарищеским приветом Н. Кузнецов».

Но ответ задерживался. Обеспокоенный молчанием, Николай 20 марта снова пишет в окружной комитет комсомола: «Тов. пред. КК. Прошу сообщить результаты моего дела о восстановлении в ряды ВЛКСМ. Запросите характеристику в РК Талицы и партячейку нашей коммуны. Пожалуйста, поторопитесь с решением, а то трудно ждать».

Позднее на имя ответственного секретаря ЦК ВЛКСМ Кузнецов писал: «Сейчас... я считаю, что ленинец, энергии и веры в победу хватит, а меня считают социально чуждым за то, что отец был зажиточный... Головоотяпство и больше ничего. Я с 13 мая 1929 года, когда у нас о коллективизации еще и не говорили, вступил в коммуну в соседнем сельском Совете, за две версты от нашей деревни. А сейчас район сплошной коллективизации. Работаю и сейчас в коммуне... руковожу комсомольской политшколой (!!) — и беспартийный, обидно. В окр. КК дело обо мне не решено, не знаю, долго ли еще так будут тянуть. У нас сейчас жарко, работы хватает, кулака ликвидировали, коллективизация на 88 процентов

всего населения. Посевкампания в разгаре, ремонтируем, сортируем... Зная, что я КСМ в душе, не сдам позиции».

И этой клятве комсомольца-ленинца Николай Кузнецов остался верен до последнего дыхания.

Тропою гнева

Тревожное, предгрозовое время 1939—1940 годов. У Кузнецова оно заполнено выполнением особых заданий Родины. Зима сорокового года застала его в Ленинграде. Эта поездка совпала с военным конфликтом, который был вызван белофиннами.

Виктор, брат, сообщил, что призван в Красную Армию и проездом будет в Москве. Некоторое время спустя братья встретились.

— Николай,— вспоминает Виктор Иванович,— говорил об успехах Родины, о только что закончившемся конфликте с белофиннами, о грозных тучах, которые сгущались на наших границах. Он очень радовался тому, что я уже коммунист. «А я вот отстал от тебя. Но еще заслужу доверие партии своей работой и обязательно стану коммунистом!.. Это моя самая высшая цель. Как замечательно сказал академик Губкин: «Горжусь, что принадлежу к Коммунистической партии, и дорожу этим высоким званием. И ценю его больше, чем знания, добытые в большом труде. Ценю больше самой жизни»! Придет время — и я по праву повторю эти слова.

...Настало лето сорок первого года, а с ним в мирную жизнь нашей страны ворвался огненный смерч войны. В Москву с фронта шли тревожные вести. Вооруженные до зубов орды псов-рыцарей двадцатого века все ближе подходили к стенам столицы.

Вместе со всеми советскими людьми Николай Иванович тяжело переживал страдания, которые обрушились на наш народ. Но случившееся для него не было полной неожиданностью. Слишком хорошо знал он положение дел в Германии, звериное лицо фашизма.

В эти дни перед ним с новой силой возникали картины юношеских дней. Тогда на родном Урале не все понимали стремление Николая Кузнецова в совершенстве овладеть немецким языком. Один из сослуживцев прямо говорил: «Почему вы якшаетесь со спецами? Они на удочку вас не зацепили? Смотрите, как бы плохо не кончилось! Мало было вам тех неприятностей с комсомольскими делами?»

— Не волнуйтесь,— отвечал Кузнецов.— Я не зря ношу голову на плечах. Я лишь практикуюсь. Отношения с Германией у нас не весьма приятные. Может быть, придется воевать с фашистами. Знание немецкого языка пригодится.

«Ну зачем тебе эти немцы?» — недоумевали родные и близкие Николая, а Николай со свойственным ему спокойствием отвечал:

— Придет время — и все это пригодится, когда нас позовет Родина.

А сестре Лидии и брату Виктору он не раз говорил:

— Вам за меня краснеть перед Родиной не придется...

— И в манере одеваться,— вспоминают товарищи по работе,— Николай Иванович был большим оригиналом. Он мог одеться «под немца»: серый плащ с большим количеством деталей отделки из черной лакированной кожи, серая шляпа, брюки-бридж или короткие брюки «на планку», ботинки и гетры.

Предыстория этой «моды» такова. О ней Николай

Иванович рассказывал позже брату Виктору Ивановичу:

— Когда я впервые в обществе немцев и американцев попробовал заговорить на отвлеченные темы, они холодно приняли меня в своей компании. Как потом объяснил мне знакомый немец инженер-коммунист Затлер, высокомерных иностранных спецов шокировал в первую очередь мой «славянский» костюм, слишком провинциальный для изощренных в модах европейцев. И я решил доказать буржуазным спецам, всем этим чванливым мунгам, миттам, йостам, бухерам, что смогу не только усвоить внешние манеры этих иностранцев, но и выучить и в совершенстве овладеть их родным языком, показать, что я лучше их знаю историю и культуру немецкого народа, знаю творения Шиллера и Гете, Лессинга и Гейне, а они лишь ходячие сухие формулы инженерного дела.

Не обращая внимания на критику «за дружбу» с иностранными специалистами, Кузнецов продолжал встречаться с ними. В это время он в совершенстве изучил манеру немецких инженеров одеваться, их психологию, привычки, вкусы, нравы. И те из иностранцев, кто не был знаком с Кузнецовым, встретившись с ним, не хотели верить, что перед ними не немец, а обыкновенный русский парень...

Когда грянула война, Кузнецов подал рапорт с просьбой использовать его в активной борьбе с фашизмом во вражеском тылу или на фронте. Вскоре пришел ответ: «Зачислен в воздушнодесантные войска». Необходимо было только дождаться формирования подразделения.

Однако на фронт он тогда не попал. В «Центре» отменили приказ о зачислении Кузнецова в парашютнодесантную часть. Руководство советской раз-

ведки вполне резонно решило, что чекист с таким блестящим знанием не только немецкого языка, но и самой Германии, да еще с типично арийской внешностью, может принести куда больше пользы, если его использовать на невидимом фронте. Он был зачислен в другое подразделение, где значился как Николай Васильевич Грачев, а его настоящая фамилия на долгие годы оставалась тайной.

В последний период деятельности у Кузнецова появился еще один псевдоним — Пух. Так он подписывал донесения «Центру».

Прошел почти год, трудный год войны, а его все еще не определили. Тогда Кузнецов пишет новый рапорт. Строки его дышат глубокой решимостью, переполнявшей сердце гражданина, патриота, бойца.

«...Я, как всякий советский человек, в момент, когда решается вопрос о существовании нашего государства и нас самих,— писал Кузнецов 3 июня 1942 года,— горю желанием принести пользу моей Родине. Бесконечное ожидание (почти год!) при сознании того, что я, безусловно, имею в себе силы и способность принести существенную пользу моей Родине, страшно угнетает меня. Как русский человек, я имею право требовать дать мне возможность принести пользу моему Отечеству в борьбе против злейшего врага...

Прошу довести до сведения руководства этот рапорт...

Я вполне отдаю себе отчет в том, что очень вероятна возможность моей гибели при выполнении заданий разведки, но смело пойду в тыл врага, так как сознание правоты нашего дела вселяет в меня великую силу и уверенность в конечной победе. Это сознание даст мне силу выполнить долг перед Родиной до конца».

Наконец долгожданный ответ получен. Пришел и его черед. Кузнецова пригласили к одному из руководителей советской разведки, и тот сообщил молодому чекисту, что есть намерение использовать его в качестве разведчика в тылу противника под видом немецкого офицера.

Спросили: готов ли он выполнить такой приказ? Кузнецов задумался. Нет, он не собирался отказываться от сделанного предложения, не для того он год добивался отправки в тыл врага с любым заданием. Не боялся и возможной гибели. Его смущало совсем другое, и он считал долгом поделиться своими сомнениями с командованием. Собеседник понял Кузнецова с полуслова.

— Конечно, вы правильно сделали, что высказали свои сомнения... По отзывам специалистов, которые с вами работали, Германию в целом знаете вы отлично, языком владеете в совершенстве, даже диалектами, внешне похожи на настоящего пруссака, я даже сказал бы, — на аристократа. Но мы, как и вы, понимаем, что вы не знаете германскую армию так, как ее должен знать немецкий офицер. В вашем распоряжении есть еще некоторое время. Трудиться вы умеете, преподавателей дадим отличных, мы очень надеемся, что к нужному сроку успеете преобразиться в настоящего гитлеровского служаку. Кстати, когда вы вошли в кабинет, я заметил, что выправка у вас превосходная, хотя вы и не служили в армии. Так что желаю успеха...

Дальше пошел разговор о специфических особенностях предстоящей операции.

Подготовка разведчика была возложена на А. М. Воталовского, Л. И. Сташко, С. Л. Окуня. Это были знающие чекисты, имевшие большой опыт работы в советской разведке.

До наших дней дожил только С. Л. Окунь. Нам удалось встретиться с этим человеком. Сейчас он на пенсии, но все еще в трудовом строю.

— Да, когда мы впервые встретились с Кузнецовым, мне было 27. Я на четыре года моложе его, тогда был лейтенантом госбезопасности,— говорит С. Л. Окунь. И, сосредоточившись, мысленно переносится к событиям более чем трехдесятилетней давности.— Поставленная руководством перед нами задача — подготовить Николая Ивановича к выполнению столь ответственного задания — была очень сложная. За короткое время он должен был в чужом мундире стать своим среди чужих, ненавистных ему врагов.

Некоторые авторы пишут о Кузнецове как о человеке с чуть ли не врожденным талантом разведчика, изображают его самоучкой разведчиком, который в логове врага проводил блестящие операции, удивлявшие даже гитлеровцев своей дерзостью и находчивостью. Но все обстояло далеко не так. Необходимо было многому его научить, предусмотреть буквально все, вплоть до мелочей,— от меток на белье до содержимого бумажника.

Поставив перед Кузнецовым задачу вести разведку в «столичном» Ровно, «Центр» исходил из того, что он не должен служить в каком-либо учреждении или воинской части, расквартированной в этом городе, а бывать здесь наездами. Дело в том, что внедрить разведчика куда-либо на службу за такое короткое время было невозможно. Но и его периодические появления в городе требовали правдоподобного обоснования.

Вначале предполагалось, что Кузнецов будет действовать под видом офицера «Люфтваффе». К тому времени было уже немало пленных фашистских лет-

чиков, с которыми можно было вступить в контакт. Одетый в форму немецкого лейтенанта-летчика, Кузнецов подолгу находился среди военнопленных, беседовал с ними, и ни у кого не возникло ни малейшего сомнения в том, что перед ними не немец. Больше того, однажды Николаю Ивановичу пришлось присутствовать в качестве переводчика в гражданской одежде на допросе одного пленного из «Люфтваффе». После того как Кузнецов перевел несколько фраз из его показаний, гитлеровец отказался отвечать, заявив:

— Пусть лучше переводит русский, а не этот изменник. При нем говорить я не буду...

В те дни, как вспоминает С. Л. Окунь, с Кузнецовым произошла совсем уж парадоксальная история. В одном из лагерей, куда чекисты поместили Николая Ивановича для более успешной подготовки на роль немецкого офицера, была собрана группа «его земляков». Из них было организовано что-то наподобие студии художественного слова. Среди этих любителей поэзии находился один режиссер из Берлинского драматического театра, который занимался постановкой дикции актеров. Здесь, в лагере, он учил «студийцев», как правильно надо читать Шиллера и Гете. Но никто из учеников не мог угодить строгому «ментору». Лишь одним декламатором режиссер остался доволен. Им был... Кузнецов. Указывая на него, режиссер говорил: «Вот только у этого господина классическое литературное произношение...»

Здесь самое время сделать отступление, более подробно остановиться на том, откуда у Николая Ивановича было такое совершенное знание немецкого языка и многих его диалектов.

— В школе у него была замечательная учительница Нина Александровна Автократова, которую он

очень любил, — рассказывает сестра Николая — Лидия Ивановна. — Она получила образование в Швейцарии и в совершенстве владела французским и немецким языками. От нее брат получил первый «задел» в развитии своих лингвистических способностей. Узнав, что преподаватель по труду — немец, из бывших военнопленных первой мировой войны, Коля не упускает случая, чтобы поговорить с ним, попрактиковаться, усвоить правильное произношение. Но и этого ему было мало. Он под разными предлогами забегал в аптеку, с тем чтобы поговорить еще с одним «немцем» — провизором из австрийцев.

И все это было не просто мальчишеским увлечением, а серьезным делом, которому он посвятил всего себя. Позднее Кузнецов занимался немецким и в лесотехникуме, хотя там по программе преподавание иностранных языков не предусматривалось. Узнав, что приезжающий в контору лесничий Гонольд — немец, тоже из бывших военнопленных, заводит с ним дружбу.

Большую практику в совершенствовании немецкой разговорной речи Кузнецов получил в годы работы на Верх-Исетском металлургическом заводе и особенно в Свердловске, на Уралмаше, где была большая группа немецких специалистов. Во многом ему помог познать Германию немецкий инженер-антифашист Затлер. Это, видимо, у него Кузнецов научился так проникновенно читать Гете, что даже поразил строгого лагерного репетитора.

Лишь тот достоин жизни и свободы,
Кто каждый день за них идет на бой!
...Тогда сказал бы я: мгновенье
Прекрасно ты, продлись, постой!
И не смело б веков теченье
Следа оставленного мной!

И в последние месяцы перед отправкой в стан гитлеровцев, готовя себя к новой роли, чтобы наверняка действовать в тылу врага, Кузнецов упорно продолжал шлифовать разговорную немецкую речь.

С. Л. Окунь вспоминает:

— Если и было что у него «от бога», так это ни с чем не сравнимая работоспособность. Все мы, кому в те дни приходилось с Николаем Ивановичем работать, поражались, как он мог трудиться по 16—17 часов в сутки. За короткое время ему было нужно полностью вжиться в образ Пауля Зиберта и, конечно, научиться вести разведку, что само по себе связано с глубоким освоением огромного количества специальных знаний. В конечном счете было принято решение, что в Ровно Кузнецов отправится в мундире офицера вермахта. Это диктовалось рядом обстоятельств как объективного, так и субъективного свойства. Во-первых, там не дислоцировались части «Люфтваффе», и появление в городе офицера в летной форме вызвало бы излишнее внимание к его персоне, что никак не входило в расчеты разведки. Во-вторых, это привязывало бы Зиберта к какой-то определенной части и мешало бы его свободному передвижению.

С. Л. Окунь знакомит с «автобиографией» того, настоящего, так сказать «оригинала», Зиберта, под именем которого предстояло действовать нашему разведчику.

— Вот что Николаю Ивановичу приходилось непрерывно повторять, буквально днем и ночью, до оскомины в зубах, чтобы изучить, как собственную, а мы ему говорили — даже лучше, жизнь того, чужого человека. Эта «автобиография» выглядела примерно так: «Я, Пауль Вильгельм Зиберт, родился 28 июля 1913 года в Кенигсберге в семье лесничего...» Отметим, что Николай Кузнецов был старше на

два года. Он родился 27 июля 1911 года. Его родина — уральская деревушка Зырянка на берегу тихой речушки близ Талицы, в 225 километрах от Свердловска, рос третьим ребенком в крестьянской семье... Дальше шло следующее: «Отца, Эрнста Зиберта, знаю по рассказам матери. Он погиб в 1915 году в Мазурской битве. До первой мировой войны отец служил у князя Рихарда Юона Шлобиттена, который владел двумя замками в Восточной Пруссии. Мать, Хильда, урожденная Кюннерт, умерла за несколько лет до второй мировой войны. До поступления в военное училище служил в том же имении помощником управляющего...»

Да, да, и Пауль Зиберт, и все остальные люди, упоминаемые в его биографии, — это все реально существовавшие личности, — говорит С. Л. Окунь. — Представляете, какой объем материала нужно было изучить Кузнецову только для того, чтобы узнать всех своих новых «родственников», «соучеников», «друзей детства и юности» и так далее.

Зиберту — Кузнецову предстояло еще «окончить» школу унтер-офицеров в Берлине, «принять участие» в походе против Польши, во французской кампании, «заработать» чин лейтенанта и два железных креста, наконец, «повоевать» в России, где быть «тяжело раненным» под Курском и «заработать» за это золотой значок. В связи с этим Зиберту «сделали предложение» временно, до полного выздоровления, стать чрезвычайным уполномоченным хозяйственного командования по использованию материальных ресурсов оккупированных областей СССР в интересах вермахта — «Виртшафтскоммандо» (сокращенно «Викдо»). Именно такая должность позволяла разведчику, не навлекая на себя подозрений, бывать в Ровно, свободно распоряжаться крупными суммами денег...

Все это требовалось документально, с немецкой скрупулезностью, подтвердить. Зиберту — Кузнецову вручили «зольдатенбух» — солдатскую книжку, единое удостоверение личности в гитлеровской армии. В нем на первой странице указывалось, что обер-лейтенант Пауль Зиберт призван в Кенигсберге, имеет учетный номер 1/13/18/110, его группа крови А и номер личного жетона R \ddot{u} —Zn—X—4. Впоследствии, когда прошли сроки выслуги в звании обер-лейтенанта, уже в партизанском отряде, «присвоили» Зиберту очередное воинское звание — гауптман — и сделали соответствующую запись в «зольдатенбухе».

Для того чтобы у офицеров, с которыми предстояло встречаться Паулю Зиберту, не было сомнений в его боевых заслугах, обер-лейтенанта определили как кавалера железного креста 1-го класса. В подтверждение на специальном бланке было изготовлено удостоверение, где говорилось: «От имени фюрера и Верховного Главнокомандующего вермахта награждаю Пауля Зиберта из 230 пехотного полка Железным Крестом I класса. Район боевых действий, 4 августа 1940. Генерал-лейтенант и командир 76-й пехотной дивизии».

Однако изготовить и вручить документы было полдела. Кузнецову предстояло еще трудное перевоплощение в своего «оригинала».

Он тщательно изучал организацию и структуру немецких вооруженных сил. До мельчайших подробностей ознакомился с порядком официальных и неофициальных взаимоотношений военнослужащих. Награды, звания, знаки различия всех родов войск, полиции и СС. Имена, фамилии, чины, звания и должности огромного количества людей — от высших гитлеровских деятелей и «до своих бывших» батальонных и ротных командиров.

Многое, очень многое должен был знать Пауль Зиберт. Места, где родился и вырос. Знать так, как будто он действительно долгие годы жил в Восточной Пруссии. Знать быт, нравы, традиции и привычки своих соотечественников. Помнить десятки адресов и названий магазинов, кинотеатров, кафе, ресторанов. Само собой разумеется, что Зиберт в «дружеском» застолье поддержит популярную песню, расскажет пикантный анекдот, изысканно поухаживает за дамой, сумеет выполнить любой ее каприз. А как же иначе, без этого не завоеешь репутацию бывалого фронтовика, живущего в тылу на широкую ногу.

А сколько было еще профессиональной подготовки разведчика! Ориентировка на местности, шифровальное дело, прыжки с парашютом, владение приемами самбо, стрельба из всех видов советского и немецкого личного оружия и многое, многое другое.

Снова приведем слова человека, участвовавшего в подготовке Кузнецова к выполнению задания.

— Стрелял он действительно мастерски, — говорит С. Л. Окунь. — Я не новичок был в этом деле, но соревноваться мне с ним было нелегко. Николай Иванович рассказывал мне в минуты передышки между занятиями, что это у него еще с детства. Мальчишкой на пари с друзьями стрелял навзлет в консервные банки и бутылки, имел значок ворошиловского стрелка.

Кузнецов с юношеских лет имел хорошую спортивную подготовку. Кроме геодезии и топографии в лесотехникуме учили умению хорошо читать карты и планы, ориентироваться в лесу, особенно в ночное время. Учащиеся должны были хорошо ходить на лыжах и стрелять. Лесничий, у которого Николай проходил производственную практику, старый гвар-

дейский солдат, помимо прямых обязанностей заставлял студентов выполнять особо трудные поручения. Мог, например, в холодную зимнюю погоду, в мороз, послать на лыжах дежурного с экстренным донесением на кордон за 25—30 километров, с тем чтобы тот к утру вернулся в техникум. Учащиеся изо дня в день тренировались в ходьбе, выносливости, воспитывали в себе самообладание, развивали глазомер. Как все это пригодилось Кузнецову при подготовке к разведке!

Немало хлопот и беспокойства доставила чекистам, обучавшим Кузнецова, экипировка Пауля Зиберта. Само собой разумеется, что от носков до носового платка — все на нем должно быть немецкого происхождения. Мундир и брюки позаимствовали у настоящего офицера, а сапоги сшили военнопленные в лагере. А вот когда гладили брюки, под кожей, которой они были обшиты, нащупали что-то твердое. Подпороли кожу и извлекли из-под нее золотой фамильный перстень с монограммой. Это был очень полезный атрибут офицера-аристократа. Монограмму переделали так, чтобы она соответствовала имени нового владельца перстня, и вручили перстень Паулю Зиберту — Кузнецову.

Наконец Н. И. Кузнецов предстал перед руководителями подготовки, что называется, в полном блеске.

О том, какое впечатление произвела на него внешность Кузнецова — Грачева, хорошо передает А. Цесарский, которому как-то пришлось уже в отряде «Победители» увидеть разведчика вдруг, неожиданно, так сказать без предварительной подготовки:

«...Я просто не верил своим глазам. Он гордо запрокинул голову, выдвинул вперед нижнюю челюсть, на лице его появилось выражение напыщенного презрения.

В первое мгновение мне было даже неприятно увидеть его таким. Чтобы разрушить это впечатление, я шутливо обратился к нему:

— Как чувствуете себя в этой шкурке?

Он смерил меня уничтожающим взглядом, брезгливо опустив углы губ, и произнес лающим, гнусавым голосом:

— Альзо, ниht зо лют, герр арцт! (Но не так громко, господин доктор!)

Холодом повеяло от этого высокомерного офицера. Я физически ощутил расстояние, на которое он отодвинул меня от себя. Удивительный дар перевоплощения!»

Готовясь к отправке на выполнение ответственного и рискованного задания, Кузнецов пишет письма родным, друзьям, старым знакомым, в которых как бы оглядывается на пройденный им за тридцать лет жизненный путь, взвешивает достигнутое, подводит черту под целым периодом прожитого, вступая в новую, неизведанную жизнь, ведущую тропой гнева во вражеское логово.

Вот одно из них, от 6 сентября 1941 года, в Талицу, Прохоровым, у которых Кузнецов жил на квартире, когда учился в 6-м классе Талицкой семилетки. Письмо написано за несколько дней до его предполагаемой отправки в действующую армию и дышит пламенной любовью патриота к Родине, неистребимой верой в победу над заклятым врагом:

«...Думаю, что вы не все вместе живете, как когда-то, но, не зная адресов, решил я написать вам всем вместе... в моем представлении вы все те же, что были много лет назад. Много событий произошло с тех пор в моей жизни. Есть что вспомнить, есть о чем рассказать, но подробно поговорим, если увидимся после войны, после победы над обнаглевшим вра-

гом, который пытается осквернить нашу священную землю. Но не бывать этому. Все бандитские армии Гитлера найдут свою бесславную смерть на нашей земле, в этом мы все твердо уверены и готовы для выполнения этого отдать свою жизнь. ...Правда на нашей стороне, и мы победим.

Сейчас я снова в Москве... зачислен в парашютно-десантные части РККА и в ближайшие дни отправляюсь на выполнение специального задания нашего Верховного командования. Сейчас идет усиленная подготовка. Самочувствие прекрасное...

Больше писать о работе не буду. Вы сами понимаете, но могу заверить вас, что каждая кочка, каждый куст далеко в тылу у немцев будут стрелять по ним, земля загорится под ними, не найдут они жизни и у себя в Германии, везде их поджидает лютая смерть и поголовное уничтожение...

Привет всем друзьям.

Ваш Николай Кузнецов...»

Обратимся еще раз к рассказу С. Л. Окуня.

— Большую часть времени перед вылетом Кузнецова во вражеский тыл, — свидетельствует чекист, — мы посвятили отработке мелочей — в этике, поведении офицера немецкой армии на оккупированной территории и т. д. Огромное множество мелочей... Однако незнание любой из них могло провалить разведчика. Так не раз случалось. Беда подстерегла одного нашего товарища только из-за того, что он прикурил сигарету не так, как обычно делали там, где ему довелось работать... Тут Николаю Ивановичу помогло то обстоятельство, что он не был кадровым военным. Попробуй отвыкнуть от воинского приветствия, которое принято в нашей армии! После нескольких лет службы честь отдается совершенно механически.

Или вот еще от стойки «смирно», которая у немцев совершенно отличается от всех армий. Ну, кажется, наконец все предусмотрели. Николай Иванович блестяще сдал строгой комиссии труднейший экзамен. Теперь впереди главное испытание — жизнь, работа в логове врага. И все будет зависеть от него самого, от его выдержки, наблюдательности, находчивости и мужества.

Как отмечает С. Л. Окунь, подготовка Кузнецова велась в обстановке строжайшей секретности.

— Даже мы, его наставники, — говорит он, — не рисковали встречаться с ним дважды в одном и том же месте. Соблюдая конспирацию, он был доставлен на аэродром, где примкнул к очередной группе десантников, направлявшихся в расположение отряда «Победители».

Это чекистское подразделение особого назначения возглавляли испытанные коммунисты, прошедшие огонь гражданской войны и получившие боевую закалку в боях Великой Отечественной войны под Москвой, — Дмитрий Николаевич Медведев и Сергей Трофимович Стехов.

...Сын потомственного металлиста из Брянска, юношей пришедший в революцию, красногвардеец, чекист в двадцать лет, коммунист с 1920 года, Дмитрий Медведев начиная с 20-х годов вместе с другими советскими чекистами обезвреживал на западной границе Родины вражеских лазутчиков.

Многое сделал Дмитрий Николаевич, чтобы подготовить разведчика к его легендарным подвигам. Не раз они вели между собой доверительные беседы, и командир делился опытом с разведчиком, еще и еще проверял, насколько тот прочно усвоил все премудрости, которые необходимо было знать бойцу невидимого фронта.

— Конечно, невозможно предусмотреть все ситуации, в которых может оказаться разведчик,— говорил Медведев своему ученику.— Жизнь подчас выкидывает такие фортели, какие и не приснятся, и полагаться в трудную минуту нужно прежде всего на свой ум, на свою находчивость и выдержку. Разведчик, подобно математику, должен блестяще знать теорию, и тогда он с успехом решит любую практическую задачу.

Под стать командиру был и комиссар. Для бойцов он был душой отряда, его партийной совестью. Все почитали за огромную честь и счастье идти в бой рядом с Сергеем Трофимовичем Стеховым. И комиссар заслужил это уважение всей своей боевой жизнью. Стойкость и храбрость его закалялись с юношеских лет. Он стал бойцом Красной Армии в грозном 1918 году и в том же году был принят в Коммунистическую партию. Воевал в гражданскую, попал в руки белогвардейцев, был приговорен к смерти. Спасла его исключительная личная отвага и смелость. Закончилась война, и началась работа на мирном фронте. Стехов руководит партийными организациями в Донбассе и в Казахстане, находится на газетной работе. А в предвоенные годы — снова в бой, теперь уже в рядах советских чекистов.

...Командир и комиссар отбирали будущих бойцов своей группы из числа старых товарищей, с которыми работали еще до войны в органах государственной безопасности, и из московских комсомольцев-добровольцев, служивших в Отдельной мотострелковой бригаде особого назначения НКВД, или, как ее сокращенно именовали, ОМСБОН.

В оперативной группе, а затем в отряде «Победители» были представители многих национальностей нашей страны, а также немало бойцов-интернациона-

листов — выходцев из Испании, Болгарии, Польши, Югославии и других государств.

Так как план операции предусматривал действия в районе Ровно, были найдены, подготовлены и включены в группу коммунисты и комсомольцы, проживавшие до войны в Западной Украине.

В числе их были Н. Приходько, Н. Гнидюк, Б. Сухенко, М. Ких, П. Голуб, А. Яцюк-Павлеев, А. Середенко, М. Шевчук и другие.

«Победители» должны были вести активную разведку в глубоком тылу врага, и в первую очередь под Ровно, который гитлеровцы, как уже говорилось, превратили в «столицу» оккупированной Украины. Здесь разместились рейхскомиссариат, верховный суд, десятки военных штабов, начальники особых военных и разведывательных формирований. В «столице» обосновались и прибывшие в обозе оккупантов главари украинских буржуазных националистов. Вся эта свора вместе со своими подручными душила, грабила, истязала, казнила советских людей — патриотов. Более ста тысяч женщин, стариков, детей, воинов Красной Армии пали жертвами разгула фашистского террора на многострадальной ровенской земле.

Но ничто не могло сломить и поставить на колени людей, успевших за два предвоенных года жизни в братской семье народов Страны Советов полной грудью вдохнуть свежий воздух свободы. Более тысячи патриотов объединились для борьбы с ненавистным врагом в ровенской подпольной коммунистической организации, которая, по словам Т. А. Строкача, бывшего начальника Украинского штаба партизанского движения, была «одной из крупнейших организаций в оккупированных областях Украины». Высоко оценил вклад ровенчан во всенародную борь-

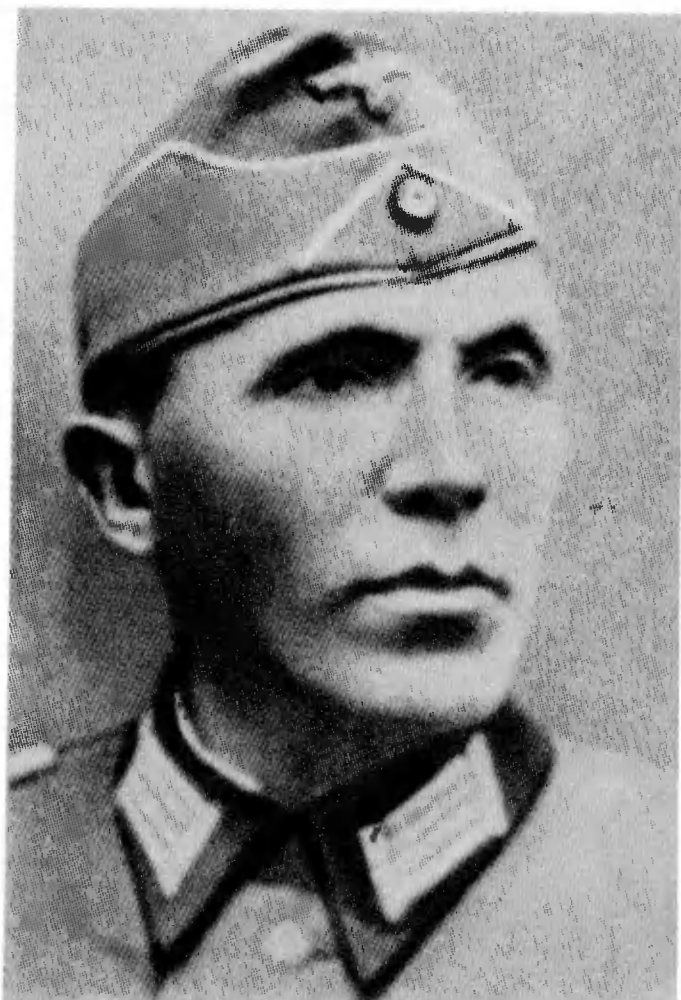
**Д. Н. Медведев,
командир отряда
«Победители»,
Герой Советского Союза**

**С. Т. Стехов,
комиссар отряда**

Землянка Н. И. Кузнецова
в лагере отряда
«Победители»
в Цуманском лесу
(Волынская обл.)

Таким 19 октября 1942 г.
впервые появился
Н. И. Кузнецов —
Пауль Зиберт
на улицах Ровно

Л. И. Лисовская

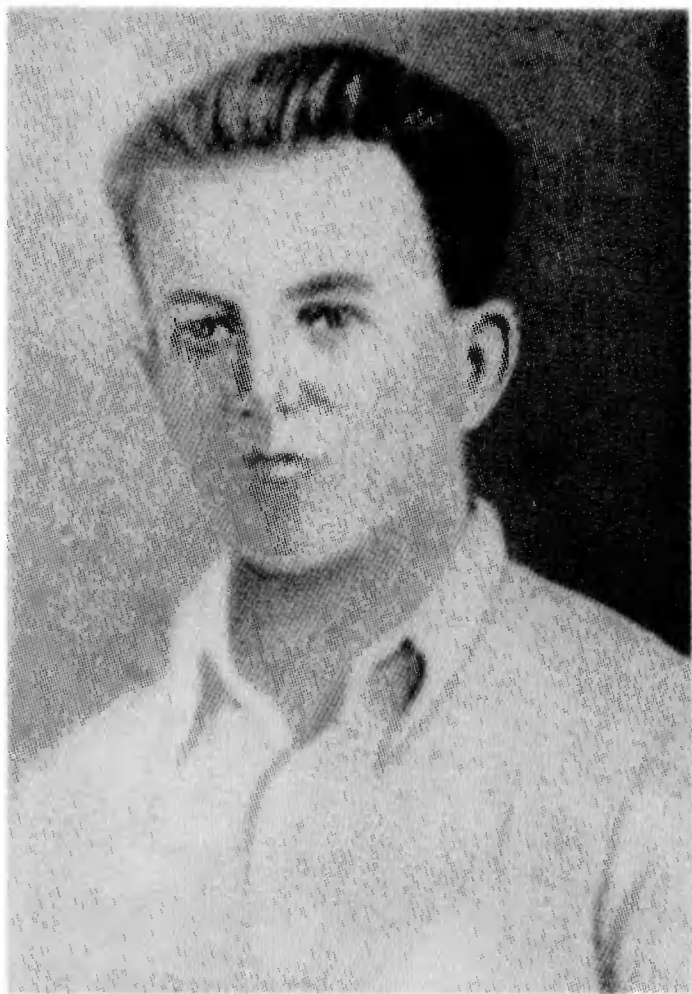
М. М. Микота

Улица Калинина в г. Ровно. На этом месте Н. И. Кузнецов уничтожил имперского советника финансов Геля и тяжело ранил правительственного президента Даргеля

**Группа бойцов отряда особого назначения «Победители».
Лето 1942 г.**

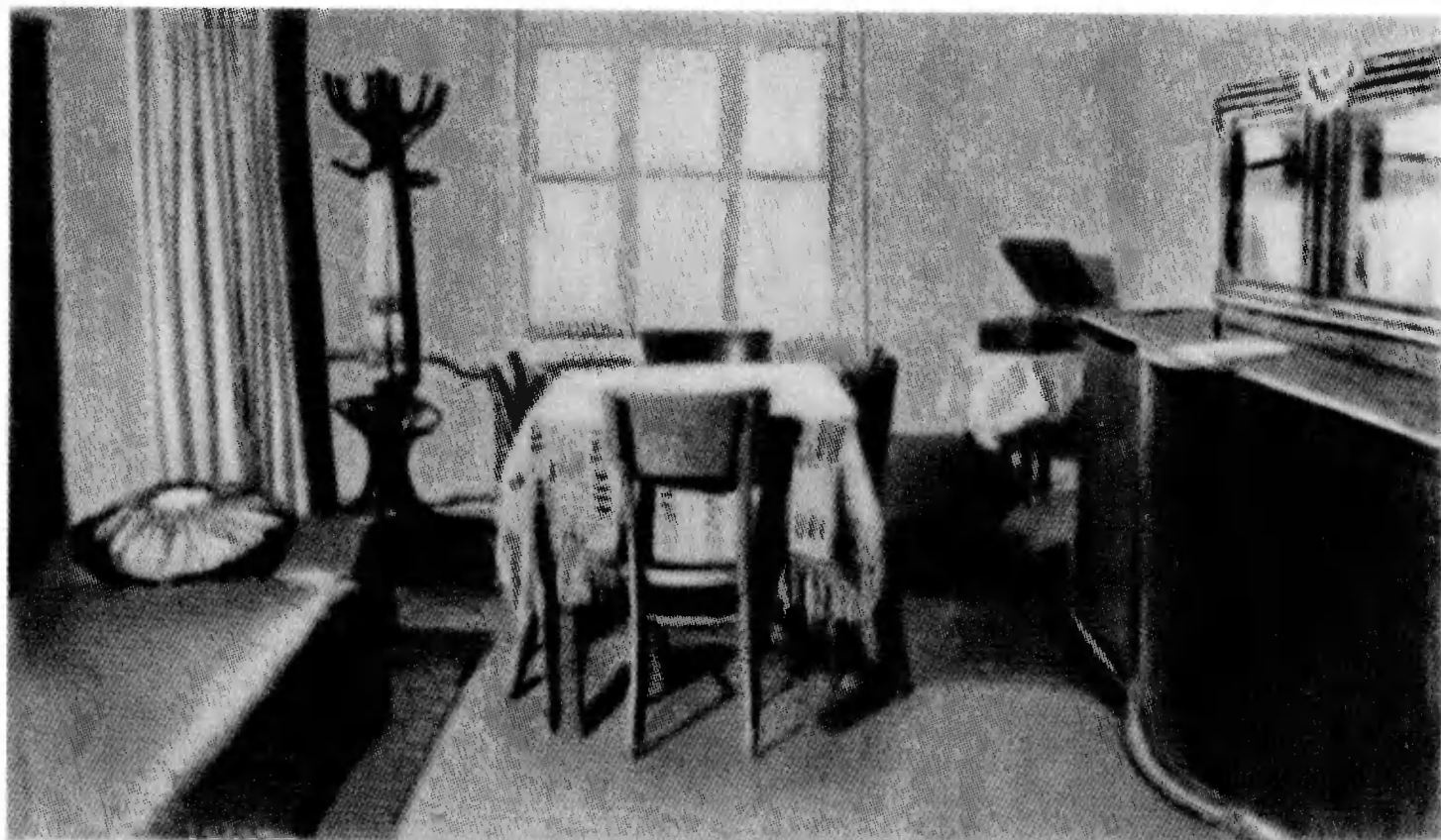

Ян Каминский

Иван Белов

Комната в бывшем доме семьи Довгер (ныне в этом доме находится мемориальный музей Героя Советского Союза Н. И. Кузнецова в г. Ровно)

Разбор боя на разъезде Будки — Сновидовичи. Выступает Д. Н. Медведев

г. Ровно, улица Лермонтова. Из этого дома группа Кузнецова похитила генерала фон Ильгена

Подвиг

22 февраля в контрразведке героически погиб в борьбе против немецких оккупантов наш боевой товарищ, курьер особой группы **НИКОЛАЙ ПРИХОДЬКО**.

Когда наша группа 29 января отправлялась из лагеря, командир отряда в напутственной речи спросил: Готовы ли вы умереть за Родину? Мы все в один голос ответили: готовы!

И вот одному из нас, Николаю Приходько пришлось погибнуть. Он выполнял одну из ответственных функций — курьера. Десятки раз он пролежал по зачехленным местам гор и дорогам, не чуя опасности для своей жизни во имя Родины.

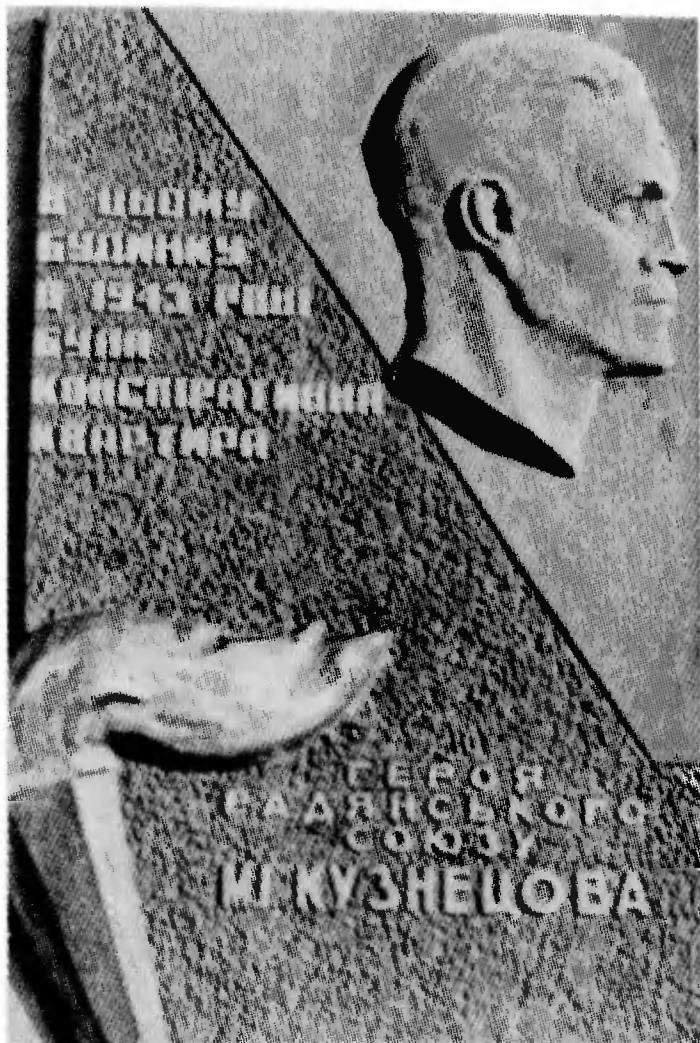
21 февраля он доставил в штаб нашего отряда важное донесение и ~~22~~ ~~похоронился~~ ~~спяке~~ ~~том~~. В 10 км. от города его остановил немецкий патруль из 12 солдат. На окрик "стой!", он ответил автоматной очередью и поразил 10 фашистов. Двое побегали, отстреливаясь, и ранили его.

Но Николай, верный долгу перед Родиной, погнался коней дальше на город. Через несколько десятков метров он истертил грузовик с немцами. Их было больше. Немцы открыли огонь. Приходько отстреливался, убил еще 6 немцев, затем, зная, что он истекает кровью, сжег ранет и документы. Николай Приходько погиб, как герой-патриот своей великой Родины, отдав за нее свою молодую жизнь.

ВЕЧНАЯ ПАМЯТЬ И СЛАВА ГЕРОЮ НИКОЛАЮ ПРИХОДЬКО!
Много фашистов заплатят своими головами за его смерть!

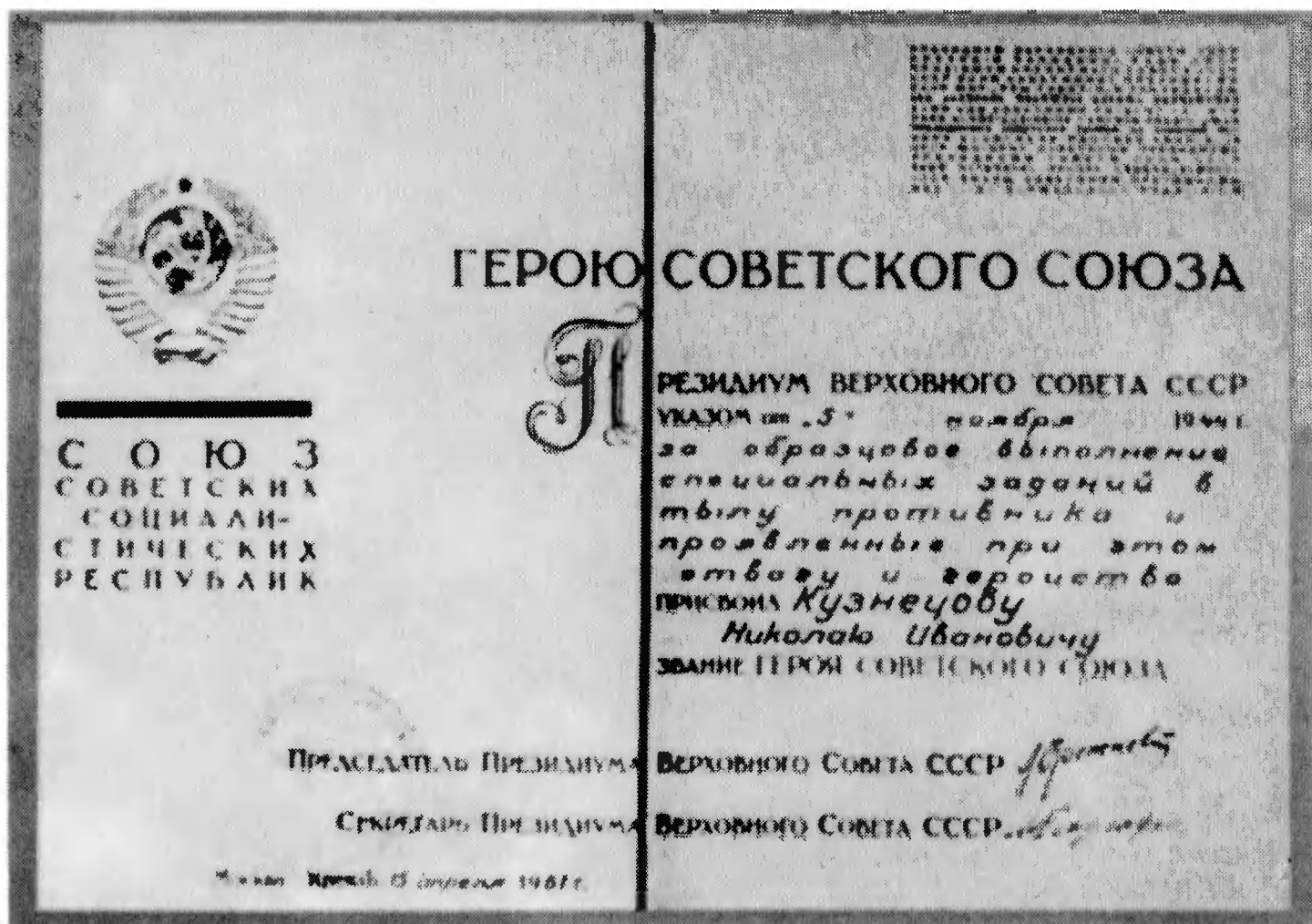
Грачев.

Листовка памяти Николая Приходько, написанная Н. И. Кузнецовым-Грачевым

Мемориальная доска на одном из домов по улице 1 Мая в г. Ровно, где находилась конспиративная квартира Н. И. Кузнецова

Грамота Героя Советского Союза Николая Ивановича Кузнецова

бу с оккупантами известный партизанский вожак, дважды Герой Советского Союза С. А. Ковпак, писавший: «Как ни одна область на Украине, Ровенская область была центром, в котором сконцентрировались соединения. Здесь начинались главные рейды по глубоким тылам противника. Каждый партизан всегда с чувством благодарности будет вспоминать ее леса, помощь, которую оказывали ему ровенчане».

Антифашистской борьбой на Ровенщине руководил подпольный обком КП(б) Украины во главе с его первым секретарем В. А. Бегмой. Ровенское коммунистическое подполье стало надежной опорой разведчиков отряда «Победители» во многих их славных делах.

...Дни расставания с Москвой. В один из них состоялась последняя встреча Николая с братом Виктором. Виктор Иванович вспоминает:

— Николай был необычно радостным, возбужденным. «На днях,— говорил он,— вылетаю по заданию командования в глубокий тыл противника. Наконец сбылось мое горячее желание...» О задании своим он ничего не говорил, но предупредил, что, возможно, от него не будет писем до конца войны, а если и после ее окончания ничего не будет известно о нем, то придется справиться в управлении кадров (он назвал его адрес), где оставлено его завещание родным. Я понял, что Ника идет на смертельно опасное дело. Идет сознательно. Мы тепло распрощались, обнялись и пожелали друг другу: «До победы!»

25 июня у меня снова случилась okazия побывать в Москве. Но дома брата не застал. Оставил записку с сообщением о моем переводе в Козельск. И уже там получил от Николая письмо, датированное 27 июня 1942 года.

Вот они, дорогие сердцу странички:

«Дорогой братец Витя!

...Я все еще в Москве, но в ближайшие дни отправлюсь на фронт. Лечу на самолете. Витя, ты мой любимый брат и боевой товарищ, поэтому я хочу быть с тобой откровенным перед отправкой на выполнение боевого задания. Война за освобождение нашей Родины от фашистской нечисти требует жертв. Неизбежно приходится пролить много своей крови, чтобы наша любимая Отчизна цвела и развивалась и чтоб наш народ жил свободно. Для победы над врагом наш народ не жалеет самого дорогого — своей жизни. Жертвы неизбежны. И я хочу откровенно сказать тебе, что очень мало шансов на то, чтобы я вернулся живым. Почти сто процентов за то, что придется пойти на самопожертвование. И я совершенно спокойно и сознательно иду на это, так как глубоко сознаю, что отдаю жизнь за святое, правое дело, за настоящее и цветущее будущее нашей Родины. Мы уничтожим фашизм, мы спасем Отечество. Нас вечно будет помнить Россия, счастливые дети будут петь о нас песни, и матери с благодарностью и благословением будут рассказывать детям о том, как в 1942 году мы отдали жизнь за счастье нашей горячо любимой Отчизны. Нас будут чтить и освобожденные народы Европы... Нет, никогда наша земля не будет под рабской кабалой фашистов. Не перевелись на Руси патриоты, на смерть пойдем, но уничтожим дракона!..

Твой брат Николай».

...Вечером 25 августа 1942 года на подмосковном аэродроме группа десантников готовилась в дальнюю дорогу. Когда до вылета их Ли-2 оставалось совсем немного, к ним подошел высокий, стройный молодой человек в комбинезоне и представился:

— Грачев, Николай Васильевич. Так, значит, полетим вместе?

— От него так и веяло спокойствием, выдержкой и уверенностью,— рассказывает бывший парторг роты Александр Данилович Середенко. До войны Середенко работал в Здолбунове дежурным по отделению дороги и теперь направлялся в знакомые места.— Двадцать часов. Командир корабля И. Н. Владимирцев посмотрел на часы и сделал знак занимать свои места. С большинством я был хорошо знаком. Вместе проходили подготовку в лагере под Москвой. Пристальной поглядываю на новенького. Кто он, что за человек? По всему видно — бывалый. Сидит около окна, спокойный, собранный, и сосредоточенно думает о чем-то своем.

Славный был человек. Он и сегодня у меня перед глазами. Должны были мы той ночью преодолеть более тысячи километров. Летели, стараясь обойти самые опасные места. Но все же под Киевом самолет был схвачен перекрестными лезвиями прожекторов. Нас засекли вражеские зенитки. За бортом слышались разрывы снарядов. Ребята притихли, что ни говори, удовольствие не из приятных. И здесь вдруг сквозь рев моторов и стрельбу послышался бодрый голос Николая Васильевича:

— А ну, хлопцы, не падать духом! Чего носы повесили? Давайте лучше споем!

И приятным голосом запел: «Вставай, страна огромная...»

Вначале разрозненно, а потом все более слаженно мы подхватили песню: «...вставай на смертный бой», словно забыв о том, что творилось вокруг... Тревожно всматриваемся в ночную мглу. И наконец где-то далеко внизу замигали долгожданные огоньки костров, образующие заветный «конверт» — опознава-

тельный знак,— и вдобавок к ним зелененький огонек фонарика, так хорошо знакомый мне, бывшему железнодорожнику,— сигнал «путь открыт». И никто из нас не догадывался в тот момент, когда Николай Васильевич прыгал навстречу партизанским кострам, что был свидетелем знаменательного прыжка в легенду, которой народ вскоре окружил имя этого отважного человека.

...Кузнецов подошел к костру в промокшем комбинезоне, в одном сапоге: приземляясь на парашюте, он угодил в болото. Нисколько не смущаясь своего вида, четко доложил командиру:

— Грачев, прибыл в ваше распоряжение!

Догорающее пламя осветило твердый подбородок, прямой нос, веселые светлые глаза.

Н. И. Кузнецов довольно скоро освоился в новой обстановке и стал готовиться к делу.

В чужом мундире

Так повелось, что, рассказывая о работе разведчика, принято особое внимание уделять наиболее героическим эпизодам и подвигам. Что ж, такое стремление вполне оправданно. Подвиг есть подвиг. Вместе с тем относительно разведки в это безусловное во всех других случаях положение необходимо внести серьезную поправку. Дело в том, что само по себе пребывание советского человека во вражеском окружении, с документами на чужое имя, с чужой биографией, да еще и в чужом мундире, требует такого напряжения всех физических и духовных сил, которое в другой обстановке сопровождает только самые героические поступки.

Рассказывают, что в детские годы Николай Кузнецов играл в самодеятельном театре и неплохо исполнял роль белого офицера. Но актер, сделав ошибку, рискует в худшем случае услышать недовольные возгласы зрителей. Разведчику же, как и минеру, малейшая ошибка может стоить жизни. Только человек, наделенный исключительной выдержкой и самообладанием, способен на испытания, которые таит в себе профессия разведчика.

О первых шагах Грачева — Кузнецова в отряде, о подготовке разведчика к встрече с врагом рассказывают странички пожелтевших от времени блокнотов. Это дневник комиссара отряда «Победители» Сергея Трофимовича Стехова, который он вел в перерывах между боями и походами. Записи еще не отработаны, это лишь некоторые заметки о том, с чего начинался подвиг Кузнецова во вражеском логове.

...24.08.42 (пн.). Сегодня получили радиотелеграмму о том, что прилетает самолет...

25.08.42 (вт.). Выброшена на парашютах группа в 13 человек. (Подхожу к парашютисту, он поспешно собирает стропы и подтягивает парашют, т. е. строго следует совету, который ему дали в Москве, — нас всех так инструктировали.) Оказывается, это Николай Васильевич Грачев. Трудно передать чувства, нахлынувшие при встрече. Товарищ с Большой земли задает один за другим вопросы. Отвечаю с выдержкой (он ведь новичок, а я вроде «старый партизан» — больше двух (!) месяцев в тылу). Оба возбуждены встречей. Направляемся к командиру. Распределение прибывших. Грачев — в штаб.

21.09.42 (пн.). Ночью вернулся Грачев (с тремя партизанами). Он попал в засаду или на передовое охранение отряда немцев. Наших обстреляли, но они не ответили (и правильно сделали), так как их зада-

чей была «тихая» разведка. Они отошли немного, обошли немцев с тыла и спокойно вернулись в лагерь. Немцы еще минут сорок стреляли в пустой след. Хитрость — оружие партизан. Грачев — военный и оперативный разведчик.

22.09.42 (вт.). Грачев вернулся из разведки в Рудню Ленчинскую. Получены данные: в Березно прибыло 900 мадьяр. Поручено Грачеву написать листовку к солдатам и офицерам. Грачев мастер на все руки.

27.09.42 (вс.). Грачев ходил к нашему разведчику (около села Карпиловка), тот ему сказал, что в селе ночует 30 немцев... После доклада Грачев попросил, чтобы ему дали 10 автоматчиков, и немцы будут разгромлены и уничтожены. Храбрый человек: 10—30! ¹

Так начиналась боевая биография Николая Ивановича.

Кузнецов считал комиссара отряда — партийного руководителя — своим верным и близким другом. И комиссар, со своей стороны, много внимания уделял молодому разведчику, чтобы подготовить его к трудной и сложной роли, которую предстояло сыграть Зиберту — Грачеву в «столице». Сергей Трофимович не уставал наставлять Николая Ивановича: «Пусть враг даже дурак и тупица, но мы всегда должны строить расчет на то, что он чрезвычайно умен и изощрен, и побеждать его превосходством своего ума, своим мужеством, дерзостью и находчивостью.

В нашей работе смелость, дерзание, риск должны сочетаться с величайшей осторожностью».

¹ Так в тексте. — К. З.

Риск и осторожность. Диалектика. Диалектика, которой разведчик должен владеть в совершенстве.

В трудные минуты Николай Кузнецов шел к комиссару за советом и поддержкой. Грачева очень тяготила роль, какую приходилось ему играть. Он болезненно переживал встречи с советскими людьми, всем своим существом ощущал презрение и ненависть, с какими смотрели они на его мундир.

— Да, я понимаю, Николай, что тебе трудно быть чужим среди своих. Это и есть испытание разведчика. Не риск, не смертельная опасность... Да, ты должен стать «врагом» для друзей по духу, по борьбе и «другом» для ненавистных врагов. Солдат идет в бой локоть к локтю с товарищем по оружию, а тебе во всех сражениях нужно быть одному. И может, даже после смерти уготовано разведчику презрение друзей и сожаление врагов. Понимаю — тяжело. Но ты сам выбрал этот нелегкий путь и должен пройти его с честью.

Запомнился Сергею Трофимовичу один разговор с Николаем Кузнецовым.

— Что такое мгновение, товарищ майор? — спросил, думая о чем-то своем, Николай Иванович. И словно самому себе, помолчав с минуту, говорит: — Это человеческая жизнь. Вот когда ты успел что-нибудь сделать, мгновение — вечность...

В октябре 1942 года началась подготовка к выезду Пауля Зиберта в «столицу». Незадолго до этого город Ровно посетил Николай Приходько. Еще на московском аэродроме Кузнецов выделил этого богатырского сложения юношу среди десантников. Добродушный, со спокойными манерами физически очень сильного человека, Николай выглядел совсем молоденьким и каким-то сугубо мирным. Оружие в его руках было словно игрушечным.

Родом Коля был из здешних мест. Он рос в Здолбунове в семье путевого обходчика, железнодорожником стал и сам. После установления Советской власти в Западной Украине Приходько одним из первых среди своих товарищей вступил в комсомол. В Ровно жил старший брат Николая, Иван Тарасович, в Здолбунове — сестра Анастасия Шмерега с мужем Михаилом, столяром железнодорожного депо, и его братом жестянщиком Сергеем. Все они стали активными помощниками «Победителей».

Потом в городе побывали и другие разведчики отряда. Они подготовили Грачеву конспиративные квартиры, рассказали о порядках в «столице».

И вот настал день 19 октября 1942 года. Отряд тогда находился от Ровно в ста двадцати километрах. Было решено, что Пауль Зиберт должен появиться в городе в шикарной бричке, запряженной парой коней. За кучера сел Владимир Степанович Струтинский, глава большой партизанской семьи. «Фамильный отряд» патриотов состоял кроме отца из четырех братьев: Николая, Жоржа, Ростислава и Владимира. Плечом к плечу с ними сражались с фашистами сестра Катя и младшие — Вася и Слава. Рядом с детьми была и их мать Марфа Ильинична. Эта отважная женщина при выполнении разведывательного задания была схвачена гитлеровцами и погибла смертью героини. Командовал отрядом Струтинских старший сын — Николай. Он стал помощником и шофером Грачева. Но это было уже потом.

На первое задание в Ровно Грачев — Зиберт отправился со Струтинским-старшим. Оставив свой выезд на хуторе Вацлава Жигаadlo, они вошли в город пешком. Кузнецов шел уверенно, спокойно мимо кафе и магазинов, так хорошо знакомых ему по фотографиям и кинолентам еще со времени подготовки

в Москве. Шел и думал: как же хорошо его тогда «натаскали» товарищи из «Центра», что он мог теперь идти буквально с завязанными глазами! Вот ресторан «Дойчегофф» на Парадной площади, рядом, как и следовало, газетный киоск. Подошел, взял газету, но читать не стал, а, только пробежав глазами, небрежно сунул в карман. Зашел в ресторан, выпил чашечку кофе с коньяком, пошел дальше. Вот и скверик. Присел на скамейку, выкурил сигарету. «У немцев не принято курить на ходу», — вспомнил наставления инструктора.

А тем временем по другой стороне, не выпуская из виду обер-лейтенанта, шел пожилой человек. Он с волнением ожидал, пока Николай Васильевич находился в ресторане, беспокоился, как бы он не допустил промашки у газетного киоска, а потом, когда остановился у табачного ларька...

— Я иду, а ноги у меня трясутся, — рассказывал Владимир Степанович потом в отряде. — Вот, думаю, сейчас меня схватят. Как увижу жандарма с огромной в виде полумесяца бляхой на груди, из-за которых и сами немцы называли их «цепными псами», отворачиваюсь. Такое чувство, что на тебя все подозрительно смотрят. А Николай Васильевич ну хоть бы что. Останавливается, читает вывески, объявления, расклеенные на тумбах. А встретится ему какой немец — вскинет руку: «Хайль Гитлер!» Часа четыре водил меня по городу. Я ему знаки делаю, что, дескать, пора возвращаться, а он словно и не видит. Бесстрашный человек!

Через несколько дней Кузнецов возвратился в отряд. И хотя, отправляясь в первый «вояж», он не имел, собственно говоря, никакого определенного задания, кроме, пожалуй, того, чтобы проверить самого себя, почувствовать себя в чужом мундире своим сре-

ди чужих, возвратился разведчик не с пустыми руками. В тот же вечер в «Центр» ушла первая радиogramма с донесением Грачева из Ровно:

«Движение на шоссе очень оживленное. На Дойчештрассе стоянки автомашин, по сто штук на каждой приблизительно. Много штабных офицеров, чиновников, гестаповцев, эсэсовцев, охранной полиции. Меня приветствовало около трехсот солдат и офицеров. Город наводнен шпиками и агентами гестапо. Прием у рейхскомиссара по вторникам и четвергам».

Через неделю Пауль Зиберт возвратился в Ровно. Разведчик Грачев стал действовать в логове врага.

Квартира Ивана Приходько стала первым, но не единственным убежищем Кузнецова. С риском для своей семьи советскому разведчику давали приют Иосиф Боган, А. Я. Стукало, В. И. Гамон, М. Т. Левицкая и многие другие известные и неизвестные герои. Затем Пауль Зиберт поселился в доме Евдокии Андреевны Довгер. Ее старшая дочь Валентина — «фольксдойче» — семнадцатилетней девушкой пришла в отряд, после того как оуновские бандиты растерзали отца, помогавшего партизанам. Худенькая, бледная, она требовала оружия, полная жажды мести. Ей ответили, что оружие будет. Вот только надо ей немного пообвыкнуться в отряде. Но воевать Валентине пришлось другим оружием.

Первое свидание Пауль Зиберт назначил Вале в скверике на Парадной площади. Она должна была минут пятнадцать посидеть, а если бы он не пришел, ждать другой встречи. Вот прошло обусловленное время, а Зиберт не появился. Надо уходить. Валя поднимается и не спеша идет вдоль скамеек, на которых и гражданские, и военные. Поравнялась с офицером, казалось бы углубившимся в чтение. Но что это? Вот он опускает газету, и она узнает: это же

он, Зиберт! Боже мой, как он не похож на того милого Николая Васильевича, каким она привыкла его видеть в лесу! Он поднимается навстречу:

— Гутен морген, фройлен!

От неожиданности Валя растерялась и что-то забормотала по-русски...

— Фройлен, вы забыли, что я еще не успел изучить местный язык. Будьте добры, говорите по-немецки. Я вас совсем не понимаю,— обратился он к ней совсем спокойно по-немецки.

Взяв себя в руки, Валя сказала две-три фразы по-немецки, но потом не заметила, как снова перешла на русский язык.

Тогда Николай Васильевич наклонился к ней и прошептал на ухо:

— Прогулка отменяется. Идем на квартиру.

Девушка казнила себя за невыдержанность. Но урок не прошел зря. Очень скоро она стала верной и надежной помощницей разведчика.

— Было очень нелегко,— вспоминает Валентина Константиновна, кавалер ордена Ленина, ныне почетный гражданин города Ровно,— сложные ситуации, трудные мгновения. И очень часто всех выручала железная выдержка, изобретательность Николая Ивановича.

Однажды у нас дома мы попали в облаву фельд-жандармерии. Эти «цепные псы» были страшны каждому. Тем более, что до этого тщательной проверке Пауль Зиберт еще не подвергался. Грозила немалая опасность.

Впервые за время нашего знакомства я заметила, что он взволнован не на шутку. Но не растерялся и очень умело разыграл такую сценку. Снял мундир и повесил его на стуле так, чтобы от дверей были видны все его регалии. Положил так, чтобы было неза-

метно для патруля, пистолет и гранату, а сам развалился на диване. Как только жандармы открыли дверь в нашу комнату, Пауль Зиберт вскочил на ноги и обрушил на них поток отборной солдатской брани:

— Да как вы смеете врываться в комнату, где отдыхает офицер-фронтовик! Да вы такие-перезатяжные... — И так далее и тому подобное.

Это была настоящая психологическая атака.

Жандармы пробормотали в свое извинение что-то невнятное и, даже не взглянув на документы «офицера-фронтовика», удалились.

И вот тогда Николай Иванович тяжело опустился в кресло, вытащил из кармана платок, вытер холодный пот, выступивший у него на лбу:

— Да! Это мгновение стоило мне немало... Извини, Валюша, за все, что тебе довелось здесь услышать...

Это было единственный раз, когда его оставило самообладание. Но не за собственную жизнь вспыхнуло это волнение. Жалко было погибнуть из-за такой случайности, не успев еще ничего сделать.

— У Зиберта не было повода обращаться в какое-либо военное или гражданское учреждение без риска разоблачения, — вспоминал заместитель командира по разведке А. А. Лукин, — потому что при всем высоком качестве его документов они все же были чистой фикцией. Поэтому главными объектами его деятельности на первых порах стали места, где немецкие офицеры проводили свое неслужебное время: лучший ресторан города «Дойчегофф», ресторан на вокзале, казино, кафе, магазины, куда местным жителям вход был воспрещен.

Порой источники информации Кузнецов находил при довольно неожиданных ситуациях. Как-то в ма-

газине, где Пауль Зиберт был постоянным покупателем, хозяин на любезное замечание господина офицера о том, что у него в лавке всегда все свежее, расплывшись в благодарственной улыбке, доверительно сообщил, что разрешение на торговлю он заработал у «самого» доктора Йоргельса — шефа службы безопасности в Ровно — в обмен на ценную информацию. Потом Зиберт застал в лавке дружка хозяина, такого же гестаповского прихвостня. Тот, не в меру разболтавшись, доверительно сообщил «офицеру-фронтовику», что знает и других, таких, как он сам, верных слуг гитлеровцев, сказал и о том, что в одном из партизанских отрядов у гестапо есть свой человек, некто Васильчевский, который сумел стать связным между партизанами и городскими подпольщиками.

Страшная новость немедленно была передана в отряд. А оттуда в «Центр» ушло сообщение с приметами агента-provокатора. Враг был разоблачен и обезврежен.

Особую радость доставляли разведчикам дни, когда они могли воочию убедиться в действительности своих сообщений, отправленных в «Центр». Так было, например, с такой радиограммой: «2 февраля 1943 года. На аэродроме в 8 километрах от города, на хуторе Малые Омеляны, базируется более 100 боевых и транспортных самолетов».

А через несколько дней, сотрясая все вокруг, советские бомбардировщики стерли с лица земли гнездо гитлеровских коршунов. Этот бомбовый удар как праздничный салют звучал в сердцах Кузнецова и его товарищей.

К началу нового, 1943 года особая группа Кузнецова прочно обосновалась в Ровно. Зиберт завел обширные знакомства среди гитлеровцев. Началась ак-

тивная разведывательная работа. В «Центр» из отряда «Победители» одна за другой стали уходить радиogramмы. Разведывательных сведений о противнике было много, и они были настолько важны, что ежедневно, иногда по несколько сеансов в день, их передавали в Москву радисты Л. Шерстнева, М. Ких, В. Осмолова, А. Беспояско, В. Скворцова, А. Мороз, В. Орлов, Л. Горбунцов, Г. Дроздовский, И. Строков.

В самом лагере или неподалеку от него работал один радист. Остальные, чтобы их и лагерь не запеленговали гитлеровцы, уходили под охраной на расстояние до двадцати километров в разных направлениях. Так в Москву, «Центру», шли новые и новые сведения. Работать часто приходилось помногу часов, немели руки, нервы были напряжены до предела. Но рации всегда были в порядке. Каждый из радистов понимал: чем больше данных передадут они, тем точнее и чаще будут удары наших войск.

Однако отряд находился на расстоянии 100—120 километров от Ровно, и это представляло определенные трудности, так как с разведчиком не было оперативной связи. Срочные материалы подчас запаздывали и теряли ценность. Командование отряда решило отправить в город радиста. Первой была командирована Валентина Осмолова, а после ее возвращения в группу Грачева из Ровно отправился Виктор Орлов. Переодетый в форму полицака, с документами, которые подписал комендант Зурно, В. М. Орлов в сопровождении связных Сергея Рощина и Николая Киселева прибыл на промежуточную базу, или, как называли в отряде, «маяк», который находился на Кудринских хуторах. Здесь радиста поместили в доме Вацлава Жигаadlo.

За несколько дней до этого небольшой отряд переодетых в полицейскую форму партизан под командо-

ванием Пауля Зиберта провел дерзкую операцию на шоссе Киев — Ровно. Двигаясь по тракту на фурманках, разведчики выследили наиболее подходящую машину и подорвали ее. Среди пленников «подвижной засады» оказались советник военного управления рейхскомиссариата майор фон Райс и начальник отдела рейхскомиссариата зондерфюрер СС граф Гаан.

— Взяв с собой рацию, я отправился с Кузнецовым на допрос пленных, которых привели в соседнюю хату, — вспоминает Виктор Михайлович Орлов. — В отдельной комнате я увидел двух немцев. Один из них, черноволосый, с забинтованной головой и рукой на перевязи, лежал на топчане. Ноги у него тоже, видимо, были повреждены. Это зондерфюрер Гаан. Второй — майор Райс, — тучный здоровяк среднего роста, с рыжей шевелюрой и небольшими круглыми навывкате глазами, сидел на топчане возле печки. Он отделался легкой контузией.

Кузнецов допрашивал каждого в отдельности. Перед пленниками он появился в форме обер-лейтенанта. Когда было жарко, Кузнецов расстегивал верхние пуговицы кителя. Вел себя спокойно, но был весьма настойчив.

Помню, Райс сидел за столом, перед ним лежали бумага и карандаш. Николай Иванович, расхаживая по комнате, все время задавал вопросы, заходя то слева, то справа от фашиста. Если Райс по ходу допроса начинал давать ценные сведения, Кузнецов просто кивал ему на карандаш и бумагу, предлагая записать сказанное, а если тот медлил, то Николай Иванович сам брал со стола карандаш, подавал в руки фашисту, придвигал поближе бумагу и пристально вглядывался ему в глаза. Райс не выдерживал и начинал писать.

Гаан первое время вообще не хотел отвечать на вопросы, называл обер-лейтенанта изменником, предателем и т. д.

Но потом и он заговорил.

После каждого допроса Кузнецов сосредоточенно обдумывал, обобщал материал, переписывал и отдавал мне для шифровки и передачи в отряд.

Допрос продолжался пять дней. Было получено много ценных сведений, а также удалось расшифровать захваченные в портфеле Райса карты дорог оккупированной гитлеровцами Украины и сведения о подземном бронированном кабеле, проложенном немцами в 1942 году вдоль Киевского шоссе на участке Ровно — Звягель. Все это помогло нашей разведке в дальнейшем при помощи винницких подпольщиков раскрыть тайну «Вервольфа», как закодированно называлась полевая ставка Гитлера под Винницей. Последнее слово в этой истории сказала наша бомбардировочная авиация, и, как доложила разведка, довольно веское. Мощное железобетонное сооружение было превращено в груды развалин.

Оба же гитлеровца были казнены. Это была ощутимая потеря для рейхскомиссариата «Украина».

Через несколько дней от кудринского «маяка» отъехали запряженные парой гнедых рысаков сани. В них на дорогом ковре чинно восседал Пауль Зиберт. Рядом в добротных пальто Николай Струтинский, Михаил Шевчук и Николай Гнидюк. За кучера, в расшитом украинском кожушке, Николай Приходько и, наконец, в форме полицаев Виктор Орлов.

«Ехали молча,— рассказывает Орлов,— каждый был занят мыслями о том, как нас встретит Здолбунув. На него у нас были большие надежды. Вдруг Кузнецов обратился ко мне:

— А тебе не страшно, Виталий? (Он почему-то

меня иногда называл Виталием.) Может случиться, что и не вернемся.

В Здолбунов добрались на рассвете. На квартире у подпольщика Шмереги разгрузили взрывчатку, боеприпасы. Кузнецов помог мне снять рацию. Струтинский и Гнидюк сразу же разными дорогами отправились в Ровно, а Приходько с Шевчуком Николай Иванович послал в соседнее село обменивать сани на бричку. На дворе — оттепель, по городу на санях не проехать. Пока они «проворачивали» свою «коммерцию», Кузнецов, побеседовав со здолбуновскими подпольщиками, составил радиogramму, которую я тут же передал в отряд.

Ночью на шикарной бричке выехали в Ровно. При въезде в «столицу» нас остановил жандармский патруль. Пауль Зиберт первым предъявил свой «зольдатенбух», и мы благополучно проследовали дальше. На улицах проходящие мимо солдаты приветствовали офицера. Он небрежно отвечал. Остановились у Приходько. Мы с Николаем стали разгружать увесистые «офицерские» чемоданы. А когда я нес их на второй этаж, споткнулся и едва не грохнулся вниз, Зиберт набросился на меня с ругательствами. Потом в квартире, словно извиняясь, Николай Иванович обратился ко мне: «Здорово я тебя там на лестнице отчитал. Но так надо было: стояли чужие люди». Я же ему ответил в тон, что за такое можно было бы дать и подзатыльник. Ведь чуть не угробил радиостанцию.

В тот же день связались с отрядом. Позднее из дома Приходько я провел еще несколько радиосеансов, но скоро начались облавы. Видимо, сработал немецкий пеленгатор. Чтобы спасти явку, Кузнецов приказал уходить из города. На кудринском «маяке» нам вручили приказ срочно явиться в отряд».

Разведданные от Кузнецова в отряд для дальнейшей передачи их по радиации в «Центр», как правило, доставлял Николай Приходько. Он же привозил пакеты с очередными заданиями «Центра». Зимним февральским днем, в канун 25-й годовщины Красной Армии, Приходько, вручив на кудринском «маяке», под Тучином, донесение Кузнецова и получив очередную почту, поспешил в Ровно. Но к Грачеву он не добрался. Вот чем объяснялся срочный вызов разведчиков в отряд. Когда Грачев с товарищами прибыл в отряд, в штабной землянке ему показали радиограмму, которая ушла в «Центр». Она гласила:

«Точно установлено, что П. (Приходько.— К.З.) у села Великий Житень был задержан заставой из 6 немцев и 6 полицейских. Открыл огонь из автомата. Убил 10 человек, но сам был ранен. Отстреливаясь, погнал лошадей вперед. Через несколько метров встретился с немцами, ехавшими на грузовой машине. П. был ранен еще два раза. Убив еще 6 немцев, он отбежал на 300 метров, сжег пакет и был убит. П. достоин присвоения звания Героя Советского Союза».

Тяжело переживал Николай Иванович гибель своего молодого тезки. Очень был он привязан к этому смелому и отчаянному парню. Нахлынувшие на него чувства Кузнецов излил в собственноручно написанной листовке «Подвиг». Ныне этот уникальный документ экспонируется в Украинском государственном музее Великой Отечественной войны в Киеве.

«Подвиг

22 февраля, в понедельник, героически погиб в борьбе против немецких оккупантов наш боевой товарищ, курьер особой группы НИКОЛАЙ ПРИХОДЬКО.

Когда наша группа 29 января отправлялась из лагеря, командир отряда в напутственной речи спросил:

— Готовы ли вы умереть за Родину?

Мы все в один голос ответили:

— Готовы!

И вот одному из нас, Николаю Приходько, пришлось погибнуть. Он выполнял одну из ответственных функций — курьера. Десятки раз он проезжал по занятым немцами городам и дорогам, ежедневно рискуя своей жизнью во имя Родины.

21 февраля он доставил в штаб нашего отряда важное донесение и 22-го возвращался с пакетом. В 10 км от города его остановил немецкий патруль из 12 солдат. На окрик «стой!» он ответил автоматной очередью и поразил 10 фашистов. Двое побежали, отстреливаясь, и ранили его.

Но Николай, верный долгу перед Родиной, погнал коней дальше на город. Через несколько десятков метров он встретил грузовик с немцами. Их было более 30. Немцы открыли огонь. Приходько отстреливался, убил еще 6 немцев, затем, видя, что истекает кровью, сжег пакет и документы. Николай Приходько погиб как герой-патриот своей великой Родины, отдав за нее свою молодую жизнь.

Вечная память и слава герою Николаю Приходько!

Много фашистов заплатят своими головами за его смерть!

Грачев».

Небольшая листовка, всего несколько абзацев. Однако в них не только сообщение о гибели друга, но и раскрыт внутренний мир самого Грачева — Кузнецова в часы тяжелой потери. Сколько в этих строках

боли, волнения и одновременно решимости отомстить врагу!

Сведения о героическом поединке Приходько с гитлеровцами позднее были детально изучены и описаны. Но эта листовка, написанная по горячим следам событий, — особенно ценный документ, реликвия боевого братства двух отважных сыновей русского и украинского народов.

26 декабря 1943 года Указом Президиума Верховного Совета СССР за образцовое выполнение боевых заданий в тылу немецко-фашистских захватчиков и проявленные при этом отвагу и героизм Приходько Николаю Тарасовичу посмертно было присвоено звание Героя Советского Союза.

Визит в логово сатрапа

Утром 20 октября 1958 года у Дворца культуры в Варшаве остановилась тюремная машина. Два рослых милиционера вывели из нее сморщенного, дряхлого человека, похожего на облынявшего кота. Это был Эрих Кох — бывший гауляйтер Восточной Пруссии и рейхскомиссар оккупированной гитлеровцами Украины. Палач славянских народов предстал перед польским судом.

Одним из наиболее драматичных моментов на процессе было выступление бывшего разведчика отряда «Победители» Юзефа Курьяты. Польский патриот, рассказав суду о злодеяниях, которые чинили на ровенской земле Кох и его подручные, сообщил:

— За свои преступления Кох был приговорен к смертной казни еще в 1942 году, и совершить возмездие должен был советский разведчик.

— Кузнецов? — спросил председательствующий Эдвард Винькевич.

— Да, Николай Иванович Кузнецов, которого тогда в отряде все знали как Николая Васильевича Грачева, а в Ровно он действовал под видом немецкого офицера Пауля Зиберта.

Услыхав такое, Кох вздрогнул и начал утирать платком с лица и шеи обильный холодный пот. А когда подсудимый немного поборол бывший его от страха озноб, он попросил выпущенную на польском языке небольшую книжку о разведчике Кузнецове. Долго изучал бывший гауляйтер эту книгу, называвшуюся «Где обер-лейтенант Зиберт?». А затем в последнем слове произнес такую смехотворную фразу:

— Прошу высокий суд учесть, насколько я был гуманен, если даже сохранил жизнь советскому террористу...

Да, Эрих Кох был именно той «крупной рыбой», за которой охотилось ровенское подполье. Было предпринято немало попыток совершить покушение на ненавистного сатрапа, но все они оказались безуспешными. Предчувствуя неотвратимость возмездия, Кох все делал для того, чтобы уйти от расплаты. Бетонированный бункер, подземные переходы, проводочные заграждения вокруг резиденции, вышки с пулеметами, сотни секретных агентов — все было брошено на то, чтобы оградить одного из руководителей «великого рейха» от пули патриотов. Казалось, что практически осуществить акцию против рейхскомиссара невозможно.

Несколько попыток предпринял и Кузнецов. По его настоянию в отряде была сформирована группа, которая должна была совершить нападение на рейхскомиссариат. Для этого разведчики надели форму солдат вермахта, обучились немецкому строю, не-

мецким песням, умению владеть оружием врага. Кузнецов лично руководил этим подразделением. Но и от этого плана пришлось отказаться. Очень много риска и очень малая вероятность пробиться через за-слоны охраны.

И здесь сами немцы как бы пошли навстречу советским разведчикам. Как-то Валентина Довгер сообщила Зиберту, что получила повестку. Она должна выехать на работу в Германию. Кузнецов немедленно сообщил об этом командованию отряда. Сообщение вызвало большую озабоченность в отряде. Немало поразмыслив над создавшейся ситуацией и заручившись согласием «Центра», пришли к решению объявить Довгер — «фольксдойче» — невестой оберлейтенанта Зиберта, под предлогом ходатайства об освобождении Валентины от отправки в Германию добиться аудиенции у Коха и расстрелять палача в его резиденции.

Некоторые соображения относительно плана операции у Кузнецова были. Все в том же ресторане «Дойчегофф» он познакомился с личным собаководом гауляйтера неким Шмидтом, а через него и с самим адъютантом рейхскомиссара гауптманом Бабахом. Оба падкие на деньги и угощения, они стали «близкими друзьями» Пауля Зиберта. Бабах буквально не отходил ни на шаг от «героя-фронтовика». Столь чрезмерная привязанность адъютанта чуть было не повлекла для Кузнецова весьма опасные последствия. Как-то гауптман предложил Зиберту отправиться купаться на реку. Казалось бы, пустяковая прихоть нужного человека, в которой ему никак не откажешь, но принять приглашение Кузнецов не мог. Раздеться перед гитлеровцем было равносильно провалу разведчика. Ведь никаких шрамов от тяжелого ранения под Курском на теле у него не было.

Что делать? Быстро оценив ситуацию, Грачев нашел довольно простой выход из создавшейся, казалось бы, безвыходной ситуации.

— Благодарю вас, гауптман, за любезное приглашение. В такой душный день я бы с удовольствием отправился купаться. Но у меня нет с собой плавок. Так что отложим до следующего раза...

Так вот этот самый Бабах и составил Паулю Зиберту протекцию у шефа.

К операции Кузнецов готовился с особой тщательностью, обдумывая все до мелочей.

Кузнецов собирался стрелять в Коха в его кабинете во время аудиенции.

План был простой. Кузнецов входит в кабинет, приветствует гауляйтера, подходит к столу, выхватывает пистолет и стреляет. Перед тем как выйти, чтобы ехать к Коху, Кузнецов предлагает Вале:

— Посидим перед дорогой.

Это последняя подготовка. Кузнецов мысленно представляет себе все, что вскоре произойдет, шаг за шагом. Вот он входит в кабинет Коха, скидывает руку: «Хайль!», быстро идет к столу. Кох что-то спрашивает. Но Кузнецов не слушает. Он опускает руку в карман брюк и...

...Когда Кузнецов вошел в кабинет Коха, подойти к столу он не смог: на полдороге на полу лежала огромная овчарка. Он опустился на стул посреди комнаты. За спиной стал эсэсовец. Кох начал читать лежащее перед ним заявление Кузнецова — Зиберта. Кузнецов медленно повернулся на стуле. Овчарка зарычала — она была хорошо выдрессирована. Кох кончил читать заявление. И между ними состоялся тот памятный разговор.

Старый сподвижник и друг Гитлера, один из старейших деятелей нацистской партии, с членским би-

летом № 60, восседал за столом, на котором зоркий глаз Кузнецова заметил кнопки сигнализации. Отчитав Зиберта за непозволительное для арийца внимание к девице сомнительного происхождения и выслушав заверения «офицера-фронтовика» в исключительной лояльности его невесты, отец которой казнен «бандитами-партизанами», Кох, видимо уловив в речи Зиберта родные для уха пруссака интонации, вдруг спросил:

— Вы откуда родом, обер-лейтенант?

И, услышав, что перед ним земляк, гауляйтер несколько смягчился и даже угостил Зиберта дорогими сигаретами.

— Где получили ранение? — Кох жестом указал на значок, красовавшийся на мундире обер-лейтенанта.

— Эту метку мне посадили русские еще в сорок первом под Курском, когда мы брали этот город, герр гауляйтер.

И вдруг Кузнецову показалось, что перед ним совсем другой человек. Голос Коха стал металлическим, взгляд холодным, руки во время разговора сжимались в кулаки, словно он собирался в клочья разнести невидимого противника. Кох — человек с двумя лицами, Кузнецов слышал об этом и раньше. Теперь перед ним сидел страшный и ненавистный рейхскомиссар, наместник «фюрера», который одним росчерком пера отправлял на смерть тысячи ни в чем не повинных людей, одного его кивка было достаточно, чтобы даже генерала, если не командующего, бросить в подвалы гестапо.

— Послушайте, Зиберт, кончайте здесь волочиться за разными девицами и скорей возвращайтесь в свою часть. Должен вам сказать, назревают события, которые поставят Россию на колени...

Что это? Непонятные чувства захлестнули сознание Кузнецова. Уж не ослышался ли он? Да это же невероятно! Сам рейхскомиссар открыл перед советским разведчиком одну из сокровеннейших тайн рейха. Он сообщил о готовящемся немецком наступлении.

А Кох тем временем, войдя в воинственный раж, продолжал разглагольствовать перед «земляком» о всесокрушающих «тиграх» и «пантерах», которыми будет сломлена Курская дуга.

То, что Кузнецов услышал 31 мая 1943 года на аудиенции у Коха, стоило значительно больше, чем голова этого проклятого народом палача. Уже в ту же ночь содержание разговора Зиберта с Кохом стало известно «Центру».

Да, визит советского разведчика Кузнецова в логово врага имел для истории Великой Отечественной войны куда большее значение, нежели имела бы акция возмездия над Кохом. Сигнал Кузнецова о стратегических замыслах гитлеровской ставки в районе Курска помог советской разведке заблаговременно раскрыть тайну «Цитадели» — таким кодовым названием окрестил вермахт операцию на Курской дуге, которая летом 1943 года потерпела крах под сокрушительными ударами Красной Армии.

Неудавшееся покушение на Коха доставило Кузнецову немало горьких минут. Как пишет в своих мемуарах Д. Н. Медведев, «нашлись товарищи, которые прямо ставили в упрек Николаю Ивановичу его благоразумие, осторожность, нежелание рисковать при незначительных шансах на удачу».

...И впоследствии Николай Иванович не оставлял своих планов уничтожить палача. Однако по ряду причин это ему не удалось. В самом конце 1943 года в записке, которую связные доставили Д. Н. Медведе-

ву в отряд, Кузнецов сообщал: «Улетел фашистский коршун (писал он, намекая на Эриха Коха). События на фронтах и шум, поднятый нами в городе, здорово напугали эту хищную птицу. Он и рождественский вечер, не дождавшись 25 декабря, устроил 22-го, чтобы скорее смотаться отсюда.

Не могу простить себе, что я опоздал на этот вечер. Кажется мне, что он больше уже не вернется сюда, а я так настроился разделаться с ним!»

...Когда Кох отсутствовал в Ровно, власть сосредоточивалась в руках генерала Пауля Даргеля. Официально его именовали штатенпрезидентом — правительственным президентом. Фактически он был первым заместителем рейхскомиссара по политическим и партийным делам. Штатенпрезидент «прославился» нечеловеческой жестокостью. Это его имя стояло на бесчисленных приказах оккупационных властей, за неисполнение которых полагалось одно наказание — смерть.

Ликвидацию кровавого палача командование поручило Грачеву, Николаю Струтинскому и подпольщику Ивану Калинин. В случае гибели или ранения Струтинского Калинин должен был сесть за руль и вывезти Грачева из города.

Разведчики знали, что ежедневно в 13 часов 30 минут генерал в сопровождении адъютанта ходит обедать в свой особняк на Шлёсштрассе. Операцию назначили на понедельник 20 сентября.

В тот день, как и обычно, Кузнецов проснулся рано. У него выработался определенный режим жизни на конспиративной квартире. Утром он просыпался сразу, словно от удара, и несколько минут неподвижно лежал, чутко прислушиваясь ко всему, что происходит вокруг. Поднимался, осторожно подходил к окну и осматривал улицу. Все спокойно. Мож-

но выйти из комнаты. Настороженно ловит взгляд хозяйки: не обеспокоена ли она чем-нибудь? Затем тщательно брился, одевался и выходил в город.

Здесь он особенно сосредоточен: нельзя пропустить без внимания ни одного прохожего, ни одного события. Не следят ли за ним, не промелькнул ли на чьем-либо лице брошенный в его сторону удивленный взгляд? Если да, то это сигнал тревоги. Значит, что-то не так в его одежде, или, быть может, повстречался «старый знакомый», на свидание с которым никак не рассчитывал в городе Кузнецов — Грачев.

Когда рядом звучит русская, украинская или польская речь, надо ничем не выдать себя, не показать, что понимаешь. И все время — бешеная работа памяти. Все следует запомнить, зафиксировать каждое слово, малейшую подробность. Когда он после такого дьявольски напряженного дня возвращался на конспиративную квартиру, то на мгновение останавливался на пороге комнаты, потом резко расстегивал плащ, облегченно вздохнув, швырял его на диван. Несколько минут, напевая модную песенку, ходил по комнате. И наконец, успокоившись, присаживался к столу.

Кроме опасности оказаться раскрытым гитлеровцами над ним все время висела угроза быть сраженным партизанской пулей. И это особенно угнетало Кузнецова. Никак не хотелось пасть от руки своих же подпольщиков, перед которыми он не смел, не имел ни малейшего права открыться. И чем искусней играл он роль Пауля Зиберта, тем более становился ненавистным советским людям.

...Точно в назначенное время светло-коричневый «опель» остановился на перекрестке. Шофер «устранял неисправность» в моторе. Вдруг появился гене-

рал, за ним следовал офицер с яркой папкой. Все, как и было обусловлено.

— Коля, газ! — бросил Грачев Струтинскому. Но в эту минуту двигатель действительно отказал. Тогда Грачев сам бросился следом за гитлеровцами. Они уже начали было переходить на другую сторону улицы, как из-за угла вылетела машина, едва не сбив генерала. Тот стал кричать на шофера, вытянувшегося перед ним. Пауль Зиберт тоже обрушился с бранью на своего водителя (Струтинского). Немного успокоившись, генерал пошел дальше. За ним оберлейтенант. И вдруг на глазах у изумленных прохожих офицер выхватил пистолет и, разрядив его в генерала и адъютанта, вскочил в машину и скрылся...

Через несколько дней курьеры доставили в отряд ровенскую националистическую газетенку «Во-лынь». Это был номер за 26 сентября 1943 года. Большими буквами на газетной полосе было напечатано сообщение: «В понедельник 20 сентября, в 13 часов 30 минут, на улице Шлёсс в Ровно были убиты выстрелами сзади руководитель главного отдела финансов при рейхскомиссариате Украины министерский советник доктор Ганс Гель и кассовый референт Винтер. Те, кто дал убийце поручение, действовали по политическим мотивам».

Прочитав, Грачев обомлел: ошибка! Вместо Даргеля с адъютантом он ухлопал других — Геля и Винтера, которые только что прибыли из Берлина с чрезвычайными полномочиями по установлению «нового порядка» на украинской земле.

Один стоил другого. Но разведчика беспокоило не это. Дело в том, что по его докладу в «Центр» уже отправлена радиограмма с сообщением об уничтожении Даргеля. А теперь вот оказалось — информация

была ошибочной. Нужно было срочно исправить ошибку. И вот 20 октября 1943 года на том же месте и в то же время снова появилась группа Грачева. На этот раз все шло как по нотам. Как только показался на улице Даргель, вслед за ним двинулся «адлер». Неожиданно генерал оглянулся. Раздумывать было некогда. Грачев выскочил из машины и швырнул под ноги Даргелю гранату. Она разорвалась в нескольких метрах от генерала. Тот рухнул на землю, а нападающие на бешеной скорости умчались из города. Только на «маяке» Николай Иванович заметил, что ранен в руку. Другой осколок попал в кокарду фуражки.

Потребовалась срочная операция. Врач Цессарский приготовился сделать обезболивание, но вдруг услышал:

— Доктор, режьте так.

— Зачем? Это же ведь очень больно. Резать придется до кости...

А в ответ слова, поразившие всех:

— Человек делает себе характер сам.— Потом, несколько повременив, Кузнецов добавил: — Я не знаю, какую боль мне придется перенести, если окажусь в лапах гестапо. Я и к этому должен быть готов...

Спустя три недели после покушения на Даргеля, 10 ноября, на улицах Ровно снова раздались выстрелы. Теперь местом действия группы Грачева, в состав которой кроме Николая Струтинского входили еще голландский антифашист-подпольщик Хуберт Гляз и комсомолец из села Березне Иван Корицкий, стала улица Легионов. Здесь отважная четверка совершила покушение еще на одного заместителя Коха — руководителя «Пакетаукциона» крайслейтера генерала Германа Кнутта.

Тогда, в день рождения «фюрера», на параде в центре Ровно Кузнецов заприметил на трибуне генерала необъятных размеров. Это был руководитель «Пакетаукциона» — ведомства, занимавшегося организацией ограбления населения на временно оккупированной советской территории. Сам «хозяин» нередко навещал склад награбленного имущества. Жадными глазами осматривал его содержимое и каждую вещь, которая ему приглянулась, молча трогал руками. Здесь хорошо знали этот жест. И тотчас же «находку» отправляли в личное хранилище крайслейтера.

...Грачев остановил машину неподалеку от линии железной дороги, примыкавшей к улице Легионов. С немецкой пунктуальностью, точно в шесть, появилась машина Кнутта, выехавшего из своего управления. Как только генерал поравнялся с группой Грачева, в его машину полетели гранаты. Для верности Кузнецов и Струтинский обстреляли ее из автоматов. Тяжело раненный генерал надолго «вышел из игры».

Жители оккупированного Ровно из уст в уста передавали, как чудесные легенды, рассказы о суровом мстителе, карающем одного за другим гитлеровских палачей за кровь и слезы советских людей.

Почти рядом с местом покушения на генерала-грабителя, на той же улице Легионов, в доме 15, жила Лидия Ивановна Лисовская. Очень немногие в городе знали, что очаровательная вдова польского офицера стала советской разведчицей еще в 1939 году. К трудной и рискованной работе пани Леля, как ее называли в близком окружении, привлекла и свою семнадцатилетнюю двоюродную сестру Майю Микоту. За мужество и самоотверженность в борьбе с фашистскими захватчиками славные патриотки посмертно награждены орденом Отечественной войны

II степени. Но это было уже после войны. А теперь вернемся к событиям, которые происходили в те далекие дни.

Самой красивой официанткой в ресторане «Дойчегофф» была Лидия Лисовская. По виду ей не более двадцати пяти. Стройная, гибкая, с большими серо-голубыми глазами, с пышной короной золотистых волос, она сводила с ума не одного из завсегда-таев, всячески пытавшихся завоевать благосклонность пани Лели. Иногда к ней приходила молоденькая кузина, миловидная девушка.

Жили сестры вместе в квартире из трех комнат. Но сюда были вхожи только самые верные, а точнее сказать, самые нужные поклонники. Веселились, танцевали под патефон, рассказывали анекдоты, играли в карты. Постоянные посетители часто приходили с заезжими друзьями-офицерами, следовавшими через Ровно с фронта или на фронт. Своим человеком был и Пауль Зиберт, бывавший наездами в Ровно, который, чтобы не обременять себя устройством в военных гостиницах, нередко останавливался у сестер на неделю-другую. Платил он всегда вперед. Хозяйки рассказывали соседям, что это очень хороший квартирант.

Присутствие интересных женщин, музыка, вино развязывали господам офицерам языки. Никто из посетителей этого гостеприимного дома не догадывался, что сестры — агенты СД, исправно информирующие шефа о настроениях и разговорах офицеров вермахта.

Но в свою очередь и ровенские главари гитлеровской службы безопасности даже не могли мысли допустить, что их «верные агенты» — глубоко законспирированные советские разведчицы. И только Зиберт — Грачев знал о секретной миссии сестер-пат-

риоток, которые до того, как он принес им переданный из «Центра» «привет от Попова», тоже не знали об истинной роли во всей этой сложной игре блестящего офицера Пауля, «души компании».

—...Нет, пани Леля,— вальсируя, рисовался перед хозяйкой дома высокий надушенный капитан,— эта Россия все-таки дикая страна. О, разумеется,— он галантно поклонился,— в ней встречаются чудесные женщины, но все-таки попасть сюда из Парижа... Согласитесь, это ужасно.

— Чем же вы провинились, Людвиг, что вас наказали отправкой на восточный фронт?

— Решительно ничем. С Елисейскими полями пришлось распрощаться не только мне, но и всем нашим парням. Командир моего батальона майор Кун, когда узнал, что пришел приказ отправляться в какой-то Белгород, так напился, что выпал из автомобиля. Бедняга до сих пор в госпитале.

В другом углу комнаты Майя сочувственно выслушивала излияния грузного танкиста:

— Мои друзья давно уже командуют батальонами, а я все сижу на роте.

— А почему?

— Да разве можно отличиться, когда уже второй год топчемся на одном и том же месте! Но уж теперь я не упущу случая и привезу после Орла «дубовые листья»...

— А что это за штука «дубовые листья»? — спросила Майя.

— О, это самая высокая рыцарская награда, которую вручает сам фюрер за особые боевые заслуги.

А еще один танкист пил на брудершафт с Паулем Зибертом.

— Где ты так загорел? — как бы невзначай спросил Грачев собутыльника.— На каком курорте?

— Хорош курорт! — отвечал тот. — Хотел бы я посмотреть на тебя, Пауль, после того как ты пожарился бы год под африканским солнцем. Нет, что ни говори, пустыня — это не место для европейца. — И он рассказал коллеге-фронтовику Зиберту, как их дивизия добралась наконец из далекой Африки на восточный фронт.

Три, казалось бы, разрозненных разговора сложились в пытливом уме разведчика в единую логическую цепь. В «Центр» Грачев отправил одно за другим сообщения, говорящие о том, что:

из Франции в Белгород передислоцируется пехотная дивизия;

из-под Ленинграда на Орел кружным путем следует танковая дивизия;

с африканского театра военных действий немцы перебрасывают под Курск танковые части.

Сообщив об этом в Москву, разведчик обратил внимание в первую очередь на транспортные магистрали и линии связи. В этом особую помощь оказали советской разведывательной службе подпольщики станции Здолбунов, которая находится в 13 километрах от Ровно и является важным железнодорожным узлом.

Ядро здолбуновского подполья составляли замечательные патриоты Дмитрий Красноголовец, братья Михаил и Сергей Шмереги, жена Михаила — Анастасия, Петр Бойко, Леонтий Клименко, Константин Шорохов. В проникновении Н. В. Грачева в тайну «Цитадели» особо значительна заслуга вырвавшегося из окружения в 1941 году солдата-комсомольца Авраамия Иванова, посмертно награжденного орденом Отечественной войны. Это он привлек для работы на советскую разведку чеха из Судет, работавшего оператором на станции. Закладывая лишнюю ко-

пирку при печатании сводок движения поездов, он обеспечивал Грачева важнейшими оперативными сведениями о переброске военных грузов.

15 августа 1943 года в Москву ушло сообщение: «...за последние десять дней очень сильное движение эшелонов противника на восток. На запад — только лом и порожняк. Вчера и сегодня прошло 5 эшелонов СС с танками и автомашинами».

Ночью пришел ответ из «Центра»:

«Сведения о поездах через Здолбунов весьма ценны. Спасибо товарищам. Продолжайте интенсивную разведку. Привет».

Это только одно из множества сообщений «Центру», которые Грачев подготовил при активной поддержке здолбуновских патриотов-подпольщиков.

5 августа 1943 года первым в Великой Отечественной войне салютом столица нашей Родины Москва чествовала героев Курской битвы, которая поставила немецко-фашистскую армию перед катастрофой. И в сиянии этих огней был отблеск славы героев одного из крупнейших в военной истории сражений, на переднем крае которого, в одном строю с тысячами отважных сыновей Родины, стоял и солдат невидимого фронта Николай Кузнецов.

Сенсация: украли генерала!

Когда после спровоцированного эсэсовской бандой «польского налета» на радиостанцию Глейвиц и первой безымянной жертвы второй мировой войны Гитлер обрушился на Польшу, Мечислав Стефанский

взялся за оружие. Но вскоре трагическая судьба страны, преданной ее незадачливыми заправилками, была решена. И вот в те дни в распоряжение советских войск вышли четверо польских солдат. Когда в штабе нашей части капрала Стефанского спросили о его дальнейших планах, Мечислав не колеблясь ответил:

— Сражаться с фашизмом!

В тот трудный час Стефанский стал бойцом тайного фронта. После нападения Германии на Советский Союз ему приказали отправиться в Ровно, где находилась его семья и многочисленная родня, бежавшая из оккупированной гитлеровцами Польши, и ждать, когда ему подадут сигнал действовать. С помощью верных друзей Мечислав устроился истопником в гебитскомиссариат. Здесь работала группа советских военнопленных. И вот к ним зачастил молодой человек с фашистским значком на отвороте рубахи. Стефанский знал об этом парне, что зовут его Николай, фамилия — Струтинский. Слышал, что в городе о нем идет недобрая слава: не раз его видели в одной машине с каким-то немецким офицером. Поэтому Стефанский встревожился. Сидит и болтает о разных пустяках, задерживается допоздна, а уходит вроде бы ни с чем. Но однажды заявил напрямик: «Твой карантин окончен, Мечислав. Жди сегодня вечером нашего человека».

Вечером у дома остановился черный «опель», из машины не спеша вышел бравый обер-лейтенант.

— Хайль Гитлер! — гаркнул он, едва переступив порог, и по всей форме пристукнул каблуками. Снял перчатку и подал руку. А Мечислава бил озноб. Видимо, почувствовав это, Пауль Зиберт (так гость представился) даже не подал вида, только в уголках губ на какой-то миг блеснула улыбка и застыла в не-

проницаемой маске безразличия и высокомерия немецкого офицера. Удобно усевшись на стуле, не снимая фуражки с высокой тульей, Зиберт стал спрашивать о житейских мелочах. Стефанский ему отвечал, а сам все думал, к чему бы это. Однако долго строить догадки не пришлось.

— Дорогой Мечислав, мы свои. Не надо бояться. Я советский разведчик. Зовите меня Грачев. В Москве вас помнят. «Центр» рекомендует привлечь вас к работе.

И тут Грачев на чистейшем русском языке назвал Стефанскому пароль, с которым должен был прийти к нему связной «Центра».

Так Мечислав Стефанский познакомился с Грачевым. Правда, в тот вечер он так и не поверил, что Зиберт — советский резидент или хотя бы связан с подпольным движением: слишком уж все в нем — и внешний облик, и манера себя вести — было арийским. Поэтому к новому визиту Грачева — Зиберта Мечислав отнесся весьма осторожно. Гость понял его тревогу.

Через некоторое время снова появился Струтинский и увез Мечислава в отряд. Стефанский увидал партизанский лагерь и вел долгий разговор с Медведевым, с его разведчиками.

В то время Кузнецов и его боевые товарищи готовились к одной из самых дерзких и смелых операций советской разведки в годы Отечественной войны в глубоком тылу врага. Однажды Кузнецов подъехал к дому Стефанских, неся с собой офицерский вещмешок и небольшой чемодан. Весь он был какой-то замкнутый, сосредоточенный. Сразу после приветствия перешел к делу:

— Мечислав! Мы предлагаем принять участие в одной операции. Должен предупредить: дело весь-

ма опасное и может случиться, что не выйдем из него живыми. Так что, прежде чем дать ответ, хорошенько подумайте.

— Я — солдат. И долг для меня превыше всего.

— Тогда быстро переодевайтесь.— С этими словами Кузнецов открыл чемодан и вытащил из него мундир лейтенанта, а из вещмешка — ботинки.

«И все как на меня шито, даже ботинки пришли по ноге. Это тоже, если хотите, своего рода разведка,— улыбаясь, вспоминает Мечислав.— Куда и зачем мы едем, я еще не знал. Уже в машине Николай Иванович спросил:

— Мечислав, вам приходилось когда-нибудь красть?

— Нет, не приходилось.

— А мне вспомнилось, как в школе я подрался с мальчишкой, который утащил из класса чернильницу. Ох и драчка была тогда! — И обвел смеющимися глазами всех сидящих в машине.— А сейчас мы с вами будем не чернильницу — генерала красть...»

Улица Млынаровская, 3. Особняк генерала, обнесенный двумя рядами колючей проволоки, напоминает крепость. У ворот — часовая. Мимо особняка промчался раз, другой с небольшими промежутками серый «адлер». Рядом с шофером непринужденно полулежал на сиденье Пауль Зиберт. Заднее сиденье занимали Мечислав Стефанский и Ян Каминский, оба тоже в немецкой форме.

Каминский был членом действовавшей в Ровно польской антифашистской организации и, когда ему представилась возможность, стал с готовностью помогать медведевцам. Кузнецов привлек этого смелого человека к разведывательной работе, во всем полагался на него, брал на самые опасные операции.

Мужество и отвага Яна Каминского в 1943 году отмечены орденом Ленина.

— Его все еще нет дома,— невозмутимо сказал Кузнецов.— Штора опущена.

Поднять штору должна была Лидия Лисовская. Это — сигнал к началу «акции Ильген». К тому времени очаровательная пани Леля перекочевала с улицы Легионов в генеральский особняк. Ильгену приглянулась симпатичная официантка из «Дойчегофф», и он пожелал, чтобы она стала его экономкой. Видимо, это был тот редкий в истории мировой разведки случай, когда желание командующего карательными войсками совпало с желанием еще двух заинтересованных служб — СД, которая не прочь была иметь в доме генерала вермахта своего соглядатая, и руководства «Центра», которое полностью одобрило внедрение советской разведчицы на службу к высокопоставленному гитлеровскому чину. Теперь Лисовская должна была обеспечить успех операции по похищению своего «шефа».

Дальше маячить на глазах у охраны было рискованно. И Кузнецов решил действовать. Он вышел из машины и уверенным шагом кадрового служаки направился в особняк.

— Герр генераль ист цу хаузе? (Господин генерал дома?) — небрежно бросил Зиберт часовому.

— Господин офицер, я по-немецки не понимаю...

Кузнецов уже знал, что в этот день охрану особняка несли солдаты из так называемых украинских казачьих националистических формирований.

— Я из Житомира, у меня срочный пакет генералу фон Ильгену.— Обер-лейтенант брезгливо махнул рукой и направился к двери мимо опешившего казака. Следом за ним — два офицера и солдат. Через несколько минут русский денщик Мясников и

казак, охранявший особняк, были обезоружены. Место часового занял Струтинский.

Раздался телефонный звонок. Лисовская взяла трубку. Ильген предупреждал, что задерживается, но скоро будет.

— Скорее, майн либер! Обед давно готов, и я жду не дождусь.

Все заняли места согласно разработанному плану. Стефанский — за шкафом, Каминский спрятался за буфетом, Кузнецов стал за дверью, открывающейся внутрь комнаты.

Денщик и часовой испуганно посматривали на прибывших, они уже, видимо, сообразили, что к чему.

— Мы советские разведчики. Поможете — будете жить, а иначе... — обер-лейтенант сделал выразительный жест рукой.

— Нас насильно мобилизовали... Мы рады бы податься к партизанам. Приказывайте — сделаем все, что надо.

Казак сразу предложил:

— Генерал знает меня в лицо. Дозвольте мне снова стать на пост.

Кузнецов разрешил. Это был риск, но другого выхода не было. К тому же Николай Иванович рассуждал так: казаки прекрасно понимают, что это для них последняя надежда искупить свою вину за предательство Родины.

В начале шестого черный «мерседес» остановился у крыльца. Как только Ильген переступил порог, пани Леля точно разыграла роль, отведенную ей в этом «спектакле». Она бросилась к генералу, обняла, стала целовать в глаза, тот зажмурился от удовольствия, и в эту минуту его руки оказались связанными за спиной.

— Привет, генерал,— из-за двери вышел Кузнецов,— вы, кажется, желали повидаться с Медведевым. Прошу в машину...

Первыми из особняка вышли Стефанский и Каминский с портфелем, в который сложили особо важные документы. За ними Струтинский и Мясников тащили к машине чемоданы. Вот появился в дверях генерал. Обер-лейтенант поддерживал его под руку.

— Скорее, смена идет! — крикнул часовой.

Это словно подстегнуло Ильгена. Сделав резкое движение, он сумел освободить одну руку, вырвал кляп изо рта и закричал:

— Хильфе! Хильфе! (Помогите!)

Руки у генерала теперь развязаны. Он бьется отчаянно. Остервенело нанес удар кулаком в лицо Кузнецову. Каминского пнул ногой в пах. Сбил с ног Стефанского. Чувствовалось, что в молодости Ильген был классным боксером. Пришлось Кузнецову рукояткой пистолета «утихомирить» генерала.

К месту происшествия, привлеченные криками, стали сбегаться офицеры. Выручили присущие Кузнецову самообладание и умение выходить победителем из любого положения. Вскинув автомат, он направил его в сторону приближавшихся гитлеровцев.

— Прошу остановиться, господа! — крикнул обер-лейтенант.— Я из гестапо.— В подтверждение в его руках блеснул жетон, предоставляющий владельцу широкие полномочия.— Нами задержан советский бандит, который пытался проникнуть в особняк генерала фон Ильгена. Вы также находитесь в зоне преступления. Прошу предъявить документы, я обязан доставить всех вас в гестапо.

Быстро пробежав глазами офицерские удостоверения и убедившись, что перед ним в основном «мелкая рыбешка», Кузнецов остановил свой выбор на

гауптмане Гранау — личном шофере рейхскомиссара.

— Господин гауптман, вы поедете с нами. Остальных прошу, не задерживаясь, проходить.

Тем временем похитители генерала затолкнули свою добычу в автомобиль. «Адлер», набирая скорость, помчался по городу. Вскоре разведчики достигли хутора Валентина Тайхмана за Новым Двором. Здесь оба фашиста нашли свою могилу.

Эпизод с похищением советским разведчиком гитлеровского генерала лег в основу широкоизвестного кинофильма «Подвиг разведчика». Но тогда по понятным причинам сценаристам имена действующих лиц пришлось заменить вымышленными.

Гестапо, СД, фельджандармерия подняли на ноги всю свою агентуру, пытаясь разыскать следы похищенного генерала. Службам немецкой государственной безопасности было передано срочное сообщение:

«Телефонограмма СР 254 1а20.11.43 14ч.00

Следует иметь в виду, что похищенный бандитами в Ровно 15.11.43 г. генерал войск оккупированных территорий «Остентруппен» генерал-майор Ильген увезен далее, по всей вероятности, в автомашине. Необходимо немедленно установить контроль над автотранспортом во всем районе дислокации армии. Комендантам населенных пунктов следует дать указания о проведении контроля в их участках с помощью местной охраны.

Передал обер-фельдфебель Штейнарт.

Принял фельдфебель Шпрингер».

Буквально на другой день после исчезновения Ильгена город всполошила новая сенсация: в здании верховного суда застрелили Альфреда Функа! На смерть одного из ближайших друзей «фюрера» не-

крологом «Судебный президент страны убит» откликнулся сам Кох. На похоронах обер-палача выступал Даргель. Сам чудом избежав возмездия, штатенпрезидент курил фимиам Функу, прикрепил к подушке орден, которым посмертно его удостоил Гитлер, и расточал угрозы против тех, кто «посмел» поднять руку на такого «доброго человека», каким был верховный судья. Но у народа было свое мнение об этом выродке.

Вскоре из сообщения ТАСС об этой акции узнал весь мир. Событие было столь невероятно, что оно сразу же обросло целым комом подробностей, догадок и предположений, порой далеких от истины.

К счастью, до нас дошел рассказ самого Кузнецова в том виде, в каком его сохранила память В. Ступина, присутствовавшего на «маяке» в то время, когда Грачев, возвратившись из Ровно, делился с боевыми товарищами подробностями «акции Функ».

— Расправа с фаворитом Гитлера, обер-фюрером СС Альфредом Функом, — рассказывал Николай Васильевич узкому кругу посвященных в его дела, — готовилась нами долго и тщательно. Коля Струтинский несколько раз выезжал на «позаимствованном» у немцев «адлере» к зданию суда, что на углу Парадной площади и Школьной улицы, высматривал поудобнее место для краткой стоянки и мгновенного старта автомашины. Ян Каминский изучал подходы к расположенной напротив суда парикмахерской, в которой Функ по утрам брился перед началом своей службы. Янек подружился с личным парикмахером генерала, бывшим польским офицером Анчаком, и посвятил его в замысел Грачева. Сам же Грачев, следуя пословице «прежде чем войти, подумай, как выйти», пытался проникнуть в здание суда, чтобы загодя изучить его внутреннюю планировку.

По вечерам отважные разведчики разрабатывали варианты плана действий, чертили схемы, спорили. Темпераментный Янек торопил события и предлагал пристрелить палача польского и украинского народов в парикмахерской. Это был самый простой из возможных вариантов. Шофер-лихач Струтинский советовал повторить первое удачное нападение на генерала Геля и ликвидировать Функа прямо на улице, когда тот будет идти из парикмахерской в суд.

Но от обоих вариантов Грачев отказался. План Янека таил в себе опасность для жизни парикмахера Анчака, его жены и малюток-близнецов. «Сами понимаете,— говорил Грачев,— на эти жертвы мы пойти не могли». Вариант Струтинского был заманчив, но такого людоеда, как Функ, хотелось казнить в самой его кровавой лаборатории. В этом был свой, так сказать символический, смысл. На том и порешили.

Дня за два до операции Грачеву наконец удалось с помощью гестаповского жетона пройти в здание суда и побродить по всем трем этажам этого поистине мертвого дома. Он отметил в памяти все входы, выходы, лестницы и коридоры.

Утром 16 ноября, в половине девятого, «адлер» остановился в ближайшем к зданию суда переулке. Струтинский остался за рулем, Янек занял наблюдательный пост у парикмахерской, а Грачев в форме гитлеровского офицера стал прохаживаться перед парадным подъездом суда.

— Скажите, Николай Васильевич, а что вы чувствовали, что думали в эти минуты? — спросил находившийся в тот день на «маяке» врач Цессарский, которого особенно занимали вопросы психологии подвига.

Грачев собрал лоб в горизонтальные морщинки:
— Чувствовал я почти то же, что и толстовский

Пьер Безухов, когда он с пистолетом под полой кафтана бродил по улицам горящей Москвы с намерением убить Наполеона: потребность личной мести при сознании общего несчастья. Вспомните это место из «Войны и мира»: «Да, один за всех, я должен совершить или погибнуть!» Но Пьеру акт возмездия представлялся неотделимым от акта самопожертвования: дескать, ну что же, берите, казните меня. Отсюда слабость в решительную минуту...

Тут Грачев смущенно оговорился, что, пожалуй, увлекся в своем сопоставлении. Исторические параллели, как известно, рискованны. Рискованна и эта параллель. Слишком уж различны были у толстовского Пьера и нашего Грачева объекты возмездия. Ведь Наполеон, хотя и был оккупантом, представлялся русской дворянской молодежи все же в ореоле романтического героя, овеянного мировой славой. А Гитлер и его приближенные вроде этого Функа — какая уж тут к черту романтика!

Над тяжелой челюстью Грачева шевельнулись желваки.

— Одна мерзость да кровожадность людоедов — вот и вся суть их! — с гневом выдохнул он сквозь зубы. — Не-ет! Выслеживая Функа, мы с Колей и Янеком вовсе и не собирались жертвовать собой. Программа нашей «охоты на крокодилов» куда шире. Лишь бы разрешило командование.

— А дальше? Дальше-то что было, Николай Васильевич, там, в суде?

И Грачев рассказал, как парикмахер, заканчивая бритье генерала, поднял угол занавески на окне, Каминский на улице снял фуражку, давая понять этим сигналом Грачеву, что Функ вот-вот выйдет. Грачев не спеша, с достоинством офицера открыл тяжелую дверь парадного входа судебной палаты и уже без

всякого достоинства взбежал по пустынной лестнице на второй этаж. Тут он, опять же чинно, прошел в приемную «верховного судьи Украины», осведомился у секретарши, у себя ли герр генерал. Это на тот случай, чтобы не обознаться, как раньше получилось, когда он вместо генерала Даргеля пристрелил генерала Геля. Хотя последний и стоил первого, но своей ошибкой Николай Васильевич поставил командование отряда в неловкое положение. Москва тогда пожурила Медведева за неточную информацию.

...Одновременно с ответом секретарши Грачев слышал, как ухнула тяжелая дверь вниз. Выйдя из приемной, он устремился вниз по лестнице. На последней площадке он чуть не налетел на генерала, поднимавшегося медленно, с одышкой. Грачев подобострастно отпрянул в сторону — проходите, мол, — и нажал на спуск... Перепрыгнув через рухнувшее тело палача, он в три прыжка миновал нижний марш лестницы, на мгновение задержался у дверей и спокойно вышел.

У подъезда стояла тюремная машина, из которой эсэсовцы выволакивали подсудимых. Позади разгружалась машина охраны. На пути Грачева стояли три или четыре офицера и в недоумении смотрели на окна второго этажа. Они спросили Грачева, слышал ли он выстрелы там, наверху. Грачев вместе с ними задрал голову, потом пожал плечами, взглянул на часы и деловито зашагал вдоль фасада.

Ноги его рвались в бег, но он сдерживал себя. Вот и угол дома. Не оглядываясь, завернул на безлюдную Школьную и бросился бежать. Скорей бы через каменную ограду, а она, проклятая, около двух метров высотой... Если бы ему в спокойной обстановке велели перелезть ее, он бы, наверное, искал, что подставить, примеривался бы так и сяк. А тут не пом-

нит, как перемахнул через ограду, пригибаясь, пробежал проходным двором, выскочил в переулок, где, подрагивая, тарахтел на полуоборотах «адлер» Струтинского. Как только Грачев ввалился в распахнутую дверцу, Николай дал полный газ (Каминский остался наблюдать последствия покушения).

...Когда Грачев и Струтинский на бешеной скорости мчались через контрольный пункт на выезде из Ровно, часовые едва успели вскинуть в приветствии руки, так как в подобных лимузинах и на такой скорости ездило крупное фашистское начальство.

— А через какой-нибудь час,— весело заканчивал рассказ Грачев,— мы были уже на нашем оржевском «маяке», с которого нас, как высоких гостей, эскорт разведчиков препроводил на следующий «маяк», в этот ваш лесной «санаторий».

— Ваше счастье, Николай Васильевич, что вы опоздали в наш «санаторий» к празднику,— съехидничал я¹, покачивая на перевязи свою почти залеченную правую руку.— Восьмого ноября тут у нас было веселье!

— Слышал, слышал, как же,— подхватил Грачев.— И даже видел в городе остатки разбитого вами карательного полка. А смертельно раненный их командир генерал фон Пиппер, именовавший себя «майстер тодт» (мастером смерти), говорят, сам сыграл в ящик. Все ровенское подполье в неописуемом восторге от этой победы медведевцев. В городе только и разговоров об этом.— Грачев долго еще расточал похвалы всему отряду и каждому из нас.

Но мы-то знали, что наши нелегкие лесные дела не идут ни в какое сравнение с его подвигами в городе. Какая смелость замыслов, какая непреклонная

¹ Слова рассказчика — В. Ступина.— К. З.

воля в их исполнении, поистине актерская способность к перевоплощению, мгновенная реакция, сметка, риск! Какое самообладание — диву даешься.

Однако не подвиги Кузнецова, не его буквально артистическое умение мгновенно перевоплощаться в надменного и холодного прусского офицера, а то, что оставалось за этим перевоплощением, что, видимо, составляло его душу, больше всего поражало людей, близко знавших Николая Ивановича. В отряде Кузнецов был постоянно сдержан, немногословен, сосредоточен на своей работе, и было такое впечатление, что что-то постоянно тяготит его. Поначалу друзья принимали эти черты за его характер. И только изредка прорывалось в нем нечто такое, что не вязалось с этим его обликом, казалось чужим, наносным, даже фальшивым. Случалось, его видели на привалах читающим стихи. Особенно он любил горьковскую «Песнь о Соколе».

Валентина Константиновна Довгер рассказывает:

— После тяжелого, напряженного дня, когда приходилось много раз смотреть смерти в глаза, Николай Иванович очень любил вспоминать прошлое, помечтать о будущем. Несмотря на сильное перенапряжение, мы могли просидеть всю ночь у печки, в которой теплился огонек, и говорить до зари. Читали Пушкина, слушали Чайковского. Да, жизнь в то время была сложной. И те несколько часов, когда мы могли сбросить маску, были для нас большим счастьем. Кузнецов не раз повторял: «Пусть даже не все будет так, как мы мечтаем, но как хорошо помечтать...»

Товарищи вспоминают, как однажды во время боя Кузнецов запел. Группа, с которой Грачев возвращался из города в отряд, попала в засаду. Гитлеровцы встретили партизан на узком мосту кинжаль-

ным пулеметным огнем. Командир группы растерялся, приказал разворачивать повозки. Дремавший в последней повозке Грачев вскочил. Его металлический голос перекрыл пулеметы: «Вперед, только вперед! — И он запел: «Нам нет преград ни в море, ни на суше...» Лошади вынесли в гору. Засада была сметена. А Кузнецов, стоя на высоком берегу, продолжал петь «Марш энтузиастов». Иногда у костра он вдруг затягивал протяжную уральскую песню, внезапно обрывал и хмурился и после этого был особенно молчалив и замкнут. И только однажды в доверительной беседе с А. В. Цессарским он дал выход обуревавшим его чувствам:

— Разведка — нечеловеческое дело, она калечит душу...

«И только тогда понял я главный подвиг этого человека, — пишет Альберт Вениаминович. — Полтора года на наших глазах он сдавливал себе горло, а мы не догадывались. Рожденный, чтобы любить, петь, смеяться, сажать лес, он изо дня в день подавлял в себе все человеческие побуждения, всю нежность, которая светлой бурей бушевала у него в груди».

...Из своих новых знакомых в Ровно Кузнецов особенно дорожил фон Ортелем. Этот человек привлекал советского разведчика своей загадочностью. Никто не знал, что делает в городе этот внешне невозмутимый, по-видимому незаурядного ума эсэсовец. Не занимая вроде бы никакого официального поста, Ортель пользовался в гестапо и СД огромным влиянием. Известно было лишь, что Ортель числился шефом какой-то лечебницы или лаборатории, находившейся на Дойчештрассе.

«Центр» ставил задачу: найти ключ к разгадке тайны матерого гитлеровского разведчика. А что Ортель был именно таковым, свидетельствовало и его

звание — штурмбанфюрер СС,— соответствующее чину майора в армии. В двадцать восемь лет так высоко подняться в СС можно было исключительно за какие-то особые заслуги.

Впервые они встретились у пани Лели. Как Ортель туда попал — это тоже загадка. Видимо, подсказали свои люди из СД, где кузины числились осведомительницами. Он вошел в комнату, высокий, стройный, в черном мундире, на котором тускло поблескивало серебряное шитье эсэсовских знаков различия. Галантно раскланявшись с присутствующими, гость представился:

— Пауль Ортель.

Зиберт на правах хозяина дома вышел навстречу и с приветливой улыбкой протянул ему сильную руку. Их взгляды встретились. Небольшие серые глаза Ортеля смотрели умно и настороженно.

«Так вот ты какой, загадочный штурмбанфюрер», — подумал про себя Кузнецов и, громко приветствуя гостя, пригласил к столу.

За годы чекистской работы Кузнецов научился довольно быстро разбираться в людях, нащупывая слабые стороны каждого. Но на этот раз случай был исключительный. Разведчик чувствовал, что с «коллегой» игра будет не из легких. Надо мобилизовать всю свою волю, действовать предельно осторожно, чтобы разгадать настоящее лицо врага. Кузнецов понимал, что опытный разведчик Ортель не оставит без внимания ни одного неверного жеста или слова. За этим вечером последовали другие, и вскоре Кузнецов почувствовал, что и он сам чем-то заинтересовал штурмбанфюрера.

Ортель стал приглашать Зиберта в компании. Казалось бы, все шло нормально. В их беседах не затрагивалось никаких служебных тайн, равно как и

не было нескромных вопросов, — ничего такого, что могло бы насторожить опытного, выдавшего виды эсэсовца. Это были ни к чему не обязывающие разговоры о жизни, о женщинах, даже об искусстве, но какое-то чувство настороженности, словно идешь по краю крутого обрыва, все время не оставляло Кузнецова.

Однажды в ресторане Ортель подозвал к себе какого-то человека и заговорил с ним на чистейшем... русском языке. Говорили они недолго и о каких-то пустяках, но Кузнецов, весь внутренне напрягшись, боялся пропустить хотя бы одно слово.

— Вы знаете русский? — Задавая этот первый за все время их знакомства вопрос, Кузнецов ничем не рисковал. Он был естествен в создавшейся ситуации.

— Давно им занимаюсь, дорогой Зиберт. А вы что-нибудь поняли?

— Так, пару слов. Я знаю всего несколько фраз по военному разговорнику.

— Могу похвастаться, что говорю по-русски совершенно свободно. Имел возможность не раз убедиться, что ни один Иван не отличит меня от своего компатриота. Разумеется, если на мне не будет этой формы...

Ортель расхохотался, но в его смехе слышалось затаенное злорадство.

— Пауль, вы производите впечатление человека, который умеет хранить чужие тайны, — внезапно став серьезным, продолжал Ортель. — Так знайте, перед войной я какое-то время жил в Москве,

— Что же занесло вас туда? — небрежно бросил Зиберт.

— О! Не подумайте, что желание помогать большевикам строить коммунизм, — загадочно улыбнулся эсэсовец...

Так первая завеса над тайной «лечебницы» доктора Ортеля была приоткрыта. Теперь нетрудно было догадаться, что за «операции» в ней происходят. В «Центр» ушло сообщение о разоблачении гитлеровского агента. Сообщались его приметы. Москва требовала не спускать глаз с «лечебницы на Дойчештрассе» и ее хозяина.

С каждым днем Кузнецов все больше убеждался, что за внешней респектабельностью фон Ортеля скрывается страшный и хитрый враг. С убийственной откровенностью и цинизмом говорил Ортель за рюмкой коньяка о верховодах рейха. Подслушай кто-нибудь из соглядатаев, которыми кишело все вокруг, этот разговор — обоих бы не минула петля.

Это, конечно, было проявлением расположения эсэсовца к несколько наивному и доверчивому «офицеру-фронтовику». Но Кузнецов по-прежнему был очень осторожен со штурмбанфюрером, каждую минуту готовый к какому-либо подвоху. Чутьем разведчика он угадывал, что если Ортель действительно заинтересован в привлечении боевого офицера к каким-то своим темным делам, то он первым должен чем-то проявить свое расположение. И не ошибся.

На одной из встреч Ортель обратил внимание Зиберта на то, что его невесту Валентину подозрительно «обхаживает» майор Гиттель. При этом Ортель доверительно сказал Зиберту:

— Я встречал этого парня в «доме Гиммлера» на Принц-Альбрехтштрассе в Берлине. Очевидно, вам не нужны дальнейшие разъяснения.

О том, что Зибертом заинтересовался «рыжий майор», как называли за глаза Гиттеля сослуживцы, сообщила и Лидия Лисовская. Майор учинил ей форменный допрос. При этом он интересовался, не употребляет ли Зиберт английские слова.

Кузнецов стал догадываться: «Видимо, Гиттель заподозрил во мне английского шпиона».

Потом они встретились с Гиттелем «случайно» в ресторане, и тот предложил Зиберту отведать сибирских пельменей. При этом очень изучающе смотрел на него. Так дальше продолжаться не могло. Запросили «Центр» и получили приказ: «Пойти на встречу с Гиттелем и попытаться использовать свидание на пользу советской разведке». Они «выяснили отношения» на квартире у Хуберта Гляза. Здесь гитлеровец был ликвидирован, но до этого Кузнецову удалось выяснить, что Гиттель, заподозрив в Зиберте агента Интеллидженс сервис — английской секретной службы, — попытался «навести мосты», чтобы переметнуться с тонущего корабля к новым хозяевам. Он также «уточнил» настоящую роль Ортеля, представляющего в Ровно высшие круги гитлеровской разведки.

В тот же вечер Зиберт встретился с Ортелем в казино. До прихода Кузнецова штурмбанфюрер успел выиграть двести марок у летчика-подполковника, был по этому поводу в хорошем настроении, а потому особенно откровенен:

— Такому человеку, как вы, Зиберт, нужны друзья, способные оценить вас по достоинству.

Фон Ортель умел производить эффект:

— Думаю, что должным образом расцените мое расположение к вам после того, как в скором времени я познакомлю вас с моим большим другом Отто Скорцени.

— Скорцени?! — воскликнул Зиберт.

— А почему бы нет? — Фон Ортель явно наслаждался произведенным эффектом. — Отто — мой старый приятель и сослуживец. У нас с ним и сейчас есть кое-какие общие дела...

Кузнецову, разумеется, было хорошо знакомо это зловещее имя. Вот уже несколько месяцев, сопровождаемое самыми громкими эпитетами, оно не сходило со страниц фашистских газет и журналов.

Когда Зиберт и Ортель снова встретились в казино, штурмбанфюрер напомнил о своем предложении и пообещал в скором времени познакомить Зиберта с Отто Скорцени, вместе с которым ему, фон Ортелю, предстояло выполнить какую-то важную операцию.

О характере операции трудно было предположить что-либо определенное. Но эта связь Ортеля со Скорцени ничего доброго не предвещала. И вдруг Ортель исчез из Ровно. Исчез так же загадочно, как появился и как жил в этом городе, окутанный туманом неизвестности. Ходили слухи, что штурмбанфюрер застрелился, но никто не видал его трупа, и слухи о смерти тоже оставались загадкой.

Позднее в одном из донесений Кузнецова командованию отряда появятся такие строки о фон Ортеле: «...Лидия (Лисовская.— К. З.) получила от него сведения, о достоверности которых судить не берусь. Фон Ортель рассказывал, что в Германии изобретена какая-то летающая бомба вроде самолета, которая будет с большой быстротой покрывать расстояния до четырехсот километров и производить огромные разрушения.

Я хотел лично «поговорить» с ним, а при случае предоставить эту возможность и вам, но оказалось, что Ортель неожиданно исчез».

Эти сведения о самолетах-снарядах, которые гитлеровцы стали применять только несколько месяцев спустя, были срочно переданы в «Центр».

Николай Иванович сообщал в этом донесении также о переброске штабов с востока на запад в связи

с приближением Красной Армии и о минировании фашистами ряда крупных зданий в Ровно.

...Кузнецова неотступно преследовала мысль о загадочном исчезновении Ортеля. Но ничего вразумительного не могла сообщить на этот счет даже Майя Микота, которая ближе всех была к Ортелю, считавшему ее своим агентом.

— Да, он был очень доволен чем-то, говорил, что ему оказана большая честь, что дело очень крупное...

— Но куда, куда он поехал? — допытывался Николай Иванович.

Майя пожала плечами:

— Не сказал...

— Майя, постарайтесь восстановить в памяти все даже самые мелкие подробности разговора, все детали, намеки. Поймите, это очень важно для нас!

Девушка и сама это понимала, но только качала головой:

— Я спрашивала, не говорит. Вот только разве... Нет, вряд ли это имеет значение. Обещал мне, когда вернется, привезти персидские ковры.

— Персидские ковры?..

Кузнецов встревожился не на шутку. Интуицией разведчика он чувствовал в этом какую-то разгадку внезапного исчезновения Ортеля. Первая заповедь разведчика — не оставлять без внимания ни одной, быть может, на первый взгляд кажущейся мелочи. Персидские ковры? Вряд ли это случайно. И вдруг Николая Ивановича осенила догадка: значит, они со Скорцени предпринимают «вояж» куда-то на Восток, в Иран? Что бы могло там заинтересовать гитлеровских головорезов?

Потом из сообщения нашей агентуры в Швейцарии в «Центре» стало известно о происках немецких разведчиков в Иране. Так факт за фактом вырисовы-

валась картина, истинный смысл которой стал понятным после того, как в ровенских лесах получили запоздавшие московские газеты. Одна из них — «Правда» от 19 декабря 1943 года — попала к Кузнецову. С волнением читал Николай Иванович напечатанное в ней сообщение:

«Заявление Рузвельта на пресс-конференции. Лондон. 17 декабря (ТАСС). По сообщению вашингтонского корреспондента агентства Рейтер, президент Рузвельт на пресс-конференции сообщил, что он остановился в русском посольстве в Тегеране, а не в американском, потому что Сталину стало известно о германском заговоре.

Маршал Сталин, добавил Рузвельт, сообщил, что, возможно, будет организован заговор на жизнь всех участников конференции. Он просил президента Рузвельта остановиться в советском посольстве, с тем чтобы избежать необходимости поездок по городу. Черчилль находился в британском посольстве, примыкающем к советскому посольству.

Президент заявил, что вокруг Тегерана находилась, возможно, сотня германских шпионов. Для немцев было бы довольно выгодным делом, добавил Рузвельт, если бы они могли разделаться с маршалом Сталиным, Черчиллем и со мной в то время, как мы проезжали бы по улицам Тегерана. Советское и американское посольство отделены друг от друга расстоянием примерно в полтора километра...»

Лицо Кузнецова сияло счастливой улыбкой. Да, он имел право гордиться. Он стал одним из тех, кто разрушил злодейский план гитлеровцев.

В 1964 году проживавший в Мадриде бывший начальник секретной службы СС Отто Скорцени в беседе с корреспондентом парижской газеты «Экспресс» заявил, в частности, следующее: «Из всех за-

бавных (!) историй, которые рассказывают обо мне, самые забавные — это те, что написаны историками. Они утверждают, что я должен был со своей командой похитить Рузвельта во время Ялтинской конференции. Это глупость: никогда мне Гитлер не приказывал этого. Сейчас я вам скажу правду по поводу этой истории: в действительности Гитлер приказал мне похитить Рузвельта во время предыдущей конференции — той, что проходила в Тегеране... Но бац! (Смеется.) Из-за различных причин это дело не удалось обделать с достаточным успехом...»

Одной из этих «различных причин», сорвавших у Скорцени «Дальний прыжок» — таким было кодовое название покушения на Большую тройку, — стало, как рассказывает В. М. Бережков, бывший на Тегеранской встрече личным переводчиком Сталина, предупреждение, полученное из ровенских лесов.

«В то время в Тегеране мало кто знал, — пишет Валентин Михайлович в книге «Тегеран, 1943», — что важные сведения о готовившейся диверсии против глав трех держав поступили из далеких ровенских лесов, где в тылу врага действовала специальная группа под командованием опытных чекистов Дмитрия Медведева и Александра Лукина. В эту группу входил и легендарный разведчик Николай Кузнецов, осуществивший немало смелых операций в районе оккупированного нацистами города Ровно».

В 1943 году у села Вэлыки Телковичи, что во Владимирецком районе, у «Победителей» произошло знаменательное событие. В отряд прибыл секретарь Ровенского подпольного обкома Компартии Украины В. А. Бегма.

Радостной была встреча. Бегме был представлен Н. В. Грачев, разведчик, который действует в Ровно под видом гитлеровского офицера.

Василий Андреевич подошел к Грачеву и обнял его:

— Бесконечно рад познакомиться. Как же, как же, слышал. О вас в народе ходят настоящие легенды.— И к Медведеву: — Вот это сюрприз! Спасибо, Дмитрий Николаевич.

Кузнецов улыбнулся и смущенно ответил:

— Работаем, товарищ секретарь обкома, но до главного еще не добрались...

— Вы имеете в виду уничтожение Эриха Коха? — спросил Бегма.

— И Коха, и добычу таких разведывательных данных, которые особенногодились бы нашему командованию...

— Кузнецов был приятным собеседником,— вспоминал Бегма.— Говорил он не торопясь, спокойно. Время от времени повторял: «А мы еще мало сделали, Василий Андреевич». И тогда его задумчивые серые глаза смотрели куда-то вдаль. О чем он думал в эти минуты? О той большой, еще не сделанной работе? Или, может, о семье, о родных, о жизни после войны?..

Мы все любовались Кузнецовым. Высокий, стройный, в каждом движении его чувствовалась большая энергия, сила.

— Когда вы так прекрасно изучили немецкий язык? — поинтересовался я.

— Еще в детстве... Я вообще люблю изучать языки. Вот уже неплохо владею украинским, пою украинские песни. В селах и хуторах считают меня своим, украинцем.

— И они не ошибаются,— говорили мы.— Вы

действительно свой и русским, и украинцам — всем народам нашей страны.

— Да, все мы за одно правое дело. Среди моих побратимов — разведчиков больше всего украинцев, есть и поляки. Крепко дружат у нас люди. С такими не пропадешь...

Эта встреча с членом Центрального Комитета, секретарем подпольного обкома КП(б) Украины, депутатом Верховного Совета СССР В. А. Бегмой стала для Кузнецова как бы своеобразным рапортом, отчетом Коммунистической партии, Советской Родине о выполнении священной клятвы сделать все для освобождения от ненавистного врага.

...Из «Центра» пришла радиограмма. Москва сообщала, что Указом Президиума Верховного Совета СССР от 26 декабря 1943 года за образцовое выполнение специальных боевых заданий в тылу немецко-фашистских захватчиков и проявленные при этом отвагу и мужество Н. И. Кузнецов награжден орденом Ленина.

— Теперь я в еще большем долгу перед Родиной, — отвечал Николай Иванович на горячие поздравления товарищей.

За правое дело

...Когда группы уходили на задание, никто точно не знал, благополучно ли закончится операция и все ли вернутся. У командования отряда «Победители» сложилась добрая традиция — провожать и встречать

боевых друзей. Провожали всегда командир и комиссар. Несколько теплых напутственных слов, рукопожатия. Каждый уходивший знал, что о нем будут думать, в него верят и ждут с победой. Но возвращались не всегда...

Середина января 1944 года. Отряд шел на запад. Между Клеванью и Киверцами несколько раз безуспешно пытались перейти железную дорогу. И тогда, видя, что задержка может оказаться продолжительной, Кузнецов настоял, чтобы ему разрешили отправиться во Львов самостоятельно. Он хотел пробиться на свой риск и страх. Дело было действительно очень рискованным. Появиться в чужом городе без связей, без явок, без прикрытия друзей... Командование дало согласие на этот отчаянный шаг.

Отправляясь во Львов, Николай Иванович несколько изменил состав своего «экипажа». Место шофера занял Иван Белов. Новый шофер был на хорошем счету в отряде. С первых дней войны сражался на фронте, попал в плен. Работал в Ровно, связался с разведчиками отряда «Победители», оказался в отряде. Классный шофер Иван Белов сел за руль машины гауптмана Зиберта с документами на имя солдата оккупационных военно-транспортных войск Ивана Власовца.

Посмертно Иван Васильевич Белов за мужество и отвагу награжден орденом Отечественной войны I степени. Награда вручена на хранение его матери.

Вторым в группе был испытанный боевой соратник Кузнецова Ян Каминский, который ехал во Львов под видом крупного спекулянта. Во Львове Каминский был тем более необходим потому, что там жили его родственники. Это была хотя и не особенно прочная, но все же зацепка в чужом городе.

Наступило время прощаться. Всего несколько че-

ловек были свидетелями этого расставания. Оно проходило в строгой тайне.

Договорились о месте встречи со связными во Львове: возле театра по нечетным числам, в двенадцать часов по немецкому времени. Предполагалось, что затем группа Кузнецова должна перебраться в Краков. Выбор этого города объяснялся тем, что сюда, по всем расчетам, должны были эвакуироваться высшие фашистские учреждения после неминуемого и уже, по всем данным, близкого изгнания захватчиков с украинской земли. В случае крайней опасности разведчикам предписывалось уйти в подполье и дожидаться прихода Красной Армии.

По дороге во Львов Кузнецов задержался в Луцке. Здесь патриоты из отряда Вицента Окорского передали ему новый автомобиль — серый итальянский «фиат», ранее принадлежавший местному гебитскомиссару. Старый уж очень хорошо был знаком гитлеровцам по «похождениям» Кузнецова в Ровно.

— В селе Германувка, — вспоминал Лукин, заместитель командира отряда «Победители» по разведке, — я в последний раз виделся с Николаем Ивановичем. Встреча проходила в старом заброшенном сарае на краю села.

Николай Иванович приехал вместе с Каминским и Беловым, я — в сопровождении доктора Альберта Цессарского, «смотрителя луцкого маяка» Владимира Ступина, моего адъютанта Сергея Рощина и нескольких бойцов.

Николай Иванович коротко рассказал, что до Луцка они добрались в потоке отступающих войск спокойно, что «фиат», который ему доставили поляки, по отзыву Белова, в полном порядке, что сам Белов, как ему кажется, хороший водитель, выдержанный и надежный товарищ.

Я понимал, что от личных и профессиональных качеств водителя во многом будет зависеть успех поездки Кузнецова, и был рад, что Белов ему со всех точек зрения понравился. Но понял и другое: Кузнецов, зная, что это не может нас не волновать, сам, не дожидаясь моих вопросов, похвалил своего товарища. О Каминском говорить не было нужды: Николай Иванович и Ян давно сработались и понимали друг друга с полуслова.

Так мы провели два часа: уточнили задания, обсудили некоторые детали. Теперь мне оставалось только «продлить» документы Зиберта и передать ему деньги. Цессарский на специально захваченной немецкой машинке печатал на бланках соответствующие тексты, а я расписывался за нужных начальников и прикладывал ту или иную печать из своей походной канцелярии. Соответствующая доработка была проведена и с документами Каминского и Белова, а также с бумагами на новый автомобиль Зиберта. Потом я отдал Николаю Ивановичу большую сумму марок.

Как всегда, Кузнецов, прежде чем спрятать документы в карман, тщательно их изучил, чтобы в случае проверки ответить на любой вопрос без запинки, не спутав ни фамилий, ни дат. Деньги разделил на несколько частей, чтобы на людях не показывать слишком солидную пачку.

Настроение его в тот последний день, когда мы виделись, было хорошим. Он был бодр, собран, не сомневался, что успешно выполнит очередное задание. Лишь сожалел немного, что его встреча с близкой, как никогда, Красной Армией, отодвигается на неопределенный срок. Это было понятно: все мы с нетерпением ждали той радостной минуты, когда увидим первого красноармейца.

Потом мы сидели уже все вместе, оставив охрану, обедали, обсуждали последние военные сводки, гадали, когда наконец закончится война и откроют ли союзники к тому времени второй фронт. О задании больше не говорили. Теперь, после того как деловой разговор с Николаем Ивановичем был закончен, я больше приглядывался к его спутникам. Убедился, что и Каминский, и Белов настроены по-боевому, понимают задачу своей маленькой группы.

Подошло время расставаться. Нам нужно было возвращаться к своим, Кузнецову и его друзьям — спешить на запад, к Львову. Мы обнялись, расцеловались, и вот уже Николай Иванович, чуть пригнувшись у низкой двери, первым выходит во двор.

Партизаны выкатывают автомашину на дорогу. На ночной трассе тишина. Наступает минута прощания. Грачев крепко всем жмет руки. Он кивает головой, словно говоря: «До встречи». Садится в автомобиль. Машина тронулась, и вот она уже растворилась во тьме...

Мы не случайно так подробно остановились на этом эпизоде. Здесь есть весьма важная деталь. А. А. Лукин говорит: «Кузнецов, прежде чем спрятать документы в карман, тщательно их *изучил*».

В этой связи хотелось остановиться вот на каком моменте. В некоторых очерках о последних днях Кузнецова говорится, что причиной провала Зиберта в штабе военно-воздушных сил во Львове было то, что он предъявил начальнику штаба подполковнику Гансу Петерсу удостоверение, в котором значилось: «Гауптман СС Пауль Зиберт командирован в город Львов для исполнения служебных обязанностей государственной важности...» Что там было дальше написано, не указывается. Но и процитированного достаточно, чтобы убедиться в ошибочности выдвинутых

предположений. Не мог столь опытный и знающий разведчик, каким был Кузнецов, пользоваться, с позволения сказать, «липой».

Если даже в штабе отряда товарищи, которые готовили документы, и допустили бы ошибку, то Кузнецов такое «удостоверение» не взял бы. Кроме того, вряд ли бы подчеркивали те, кто готовил этот документ, что «Пауль Зиберт командирован... для исполнения служебных обязанностей государственной важности...» Ведь подобная запись у каждого вызывала бы повышенный интерес, а значит, и дополнительную опасность разоблачения разведчика.

Нельзя также согласиться и с утверждением, содержащимся в ряде очерков, о том, будто бы Кузнецов — Зиберт оставил «зажатое в руке погибшего удостоверение»¹. Не таким был волевой и находчивый Кузнецов, чтобы, убив гитлеровца, не вырвать из рук мертвого врага опасную для себя улику!

Если даже признать возможной такую нелепую оплошность, то как в этом случае объяснить тот факт, что уже после того, как Кузнецов расшифровал себя, он свободно разгуливает по городу, в котором гестапо все поставило на ноги, так что даже «птица не пролетит». Зиберт же через неделю после мнимого его разоблачения появляется во Львовском театре на совещании «высших представителей власти», а на следующий день вновь появляется в центре города и стреляет в одного из гитлеровских главарей на Львовщине — Оттона Бауэра.

Из всего этого видно, что утверждение о недоброкачественном удостоверении надуманно. Неправильно и то, что подполковник Петерс разоблачил Зибер-

¹ Речь идет о застреленном Н. И. Кузнецовым немецком подполковнике Гансе Петерсе. — К. З.

та. Ведь и Медведев пишет в своей книге: «Из-за документов у нас не было ни одного провала».

...Январским утром 1944 года к контрольно-пропускному пункту на Подзамче во Львове подъехал серого цвета «фиат». Человек, сидевший рядом с водителем, опустил боковое стекло и протянул дежурному офицеру удостоверение. Внимательно изучив «зольдатенбух» и командировочное предписание, старший военного патруля жестом разрешил гауптману следовать дальше. Машина рванулась с места и покатила улицами древнего украинского города, который немцы переименовали в Лемберг. Начался львовский период деятельности Кузнецова.

В одном из очерков о замечательном советском разведчике есть такие слова: «Сведения о работе группы Кузнецова во Львове чрезвычайно скупы и, чего греха таить, иногда путанны. Поэтому объективней всего об этом периоде могут сказать документы и свидетельства очевидцев, теперь уже ставшие документами». С этим нельзя не согласиться. Поэтому именно в таком ключе мы и поведем свой рассказ о последних днях Николая Ивановича Кузнецова.

6 января 1944 года во Львов под видом бандеровцев была направлена группа советских разведчиков численностью 21 человек под командованием Б. Д. Крутикова¹. В задачу группы входило организовать явки, подобрать надежных людей, подготовить конспиративные квартиры.

Среди бойцов этого небольшого отряда был и Б. П. Харитонов. Его не случайно включили в группу. До войны он жил во Львове, где учился в школе военных переводчиков. Кровавый рассвет 22 июня

¹ Ныне доцент Львовского политехнического института.—
К. З.

лейтенант Харитонов встретил на границе. Раненого пограничника гитлеровцы захватили в плен и заключили в лагерь для военнопленных. Из лагеря ему удалось бежать. Скрываясь в лесах, стал партизаном. С февраля 1943 года Харитонов был бойцом отряда Медведева.

— ...Я шел по улице Академической во Львове, — вспоминает Борис Петрович. — И вдруг сердце екнуло. В нескольких метрах впереди, возле приткнувшейся к бортовке тротуара автомашины, стоял Грачев! Да, это был он. В длинной серо-зеленой шинели и низко надвинутой на лоб офицерской фуражке.

Я едва удержался от того, чтобы не закричать от радости и не броситься к нему навстречу. Наши глаза встретились. В первое мгновение в глазах Грачева мелькнула ответная радость, но они враз стали серьезными, даже холодными и секунду-две так пристально смотрели на меня, будто он очень хотел что-то сказать своим взглядом или о чем-то предупредить. Потом он перевел взгляд на прохожих за моей спиной, и мне подумалось, что он заметил что-то подозрительное. Не хвост ли за мной?

Не замедляя шага, я прошел мимо, совсем рядом с ним. Подойти к нему, переброситься несколькими словами я не имел права. Это он, немецкий офицер, окриком или движением пальца мог подозвать меня к себе, накричать, избить, арестовать, даже пристрелить на месте. Я же не мог посмечь обратиться к завоевателю.

Очень хотелось оглянуться, еще раз посмотреть на своего товарища, выяснить, что же могло насторожить Грачева, понять, почему он не остановил меня, не сказал ни слова. Ведь знает же он, как нужен был мне этот контакт!

Дошел до угла. Здесь у табачного киоска толпи-

лись несколько человек, покупали по талонам сигареты. Остановился и я, заговорил с одним из парней. Теперь можно было осмотреть все, что до этого было за спиной.

Грачев все еще стоял на тротуаре возле машины. Сквозь ветровое стекло была видна фигура сидящего за рулем шофера. На тротуаре не так уж много прохожих. Из всех, кто шел следом за мной, никто подозрений не вызывал, ни один не остановился, не задержался. Хвоста за мной вроде не было.

Почему же Грачев тогда не остановил меня, не сказал ни слова? Это и до сих пор для меня остается загадкой,— заканчивает свой рассказ Б. П. Харитонов.

Это произошло 30 января 1944 года. А на другой день по городу разнесся слух: в штабе на Валовенштрассе какой-то немец застрелил начальника штаба авиационной части Ганса Петерса.

Позже были обнаружены документы архива львовского гестапо и полевой жандармерии, брошенные в паническом бегстве от наступающей Красной Армии гауптштурмфюрером СС Краузе, а после войны в лагере для немецких военнопленных был выловлен и сам бывший шеф гестапо города Львова, начальник IV отдела зихерхайтсполицай (полиции безопасности) «дистрикта Галиция» Петер Христиан Краузе, скрывшийся под именем Германа Рудаки. Военный преступник был взят в плен советскими войсками 9 мая 1945 года. Это он 31 января 1944 года докладывал начальнику управления полиции безопасности дистрикта Галиция оберштурмбанфюреру СС Витиске о невероятном событии, происшедшем в этот день во Львове.

Позже тот же Краузе направит следующий рапорт

Институту криминалистики и судебной медицины в Кракове. Указанное событие в нем будет выглядеть так:

«31.I.1944 года, около 17 часов 20 мин., в Лемберге, в доме военно-воздушных сил, Валовенштрассе, 11а, был убит подполковник Ганс Петерс.

Около 17.00 час. того же дня неизвестный в форме гауптмана без разрешения посетил указанный дом.

Он был задержан охраной дома и доставлен к подполковнику Петерсу. При проверке его командировочного удостоверения мнимый гауптман, который назвал себя Паулем Зибертом, тремя выстрелами в упор застрелил подполковника Петерса и незаметно исчез.

На месте убийства найдены три гильзы калибра 7,65 мм, которые при этом прилагаются.

Полевая жандармерия при городской комендатуре № 365».

Вскоре город всполошило новое известие. О нем сообщила украинская буржуазно-националистическая газета «Львівські вісті»: «Львов, 12 февраля. Дня 9-го февраля 1944 г. вице-губернатор д-р Бауэр, шеф правительства области Галиция, пал жертвой большевистского покушения. Вместе с ним умер его ближайший сотрудник, испытанный и заслуженный руководитель Президиального правительства лянд-герихтсрат д-р Шнайдер».

Новый акт возмездия над гитлеровскими палачами нашел отражение в другом рапорте Краузе тому же Институту криминалистики и судебной медицины в Кракове. Вот этот документ:

«9.II.44 г., около 7 час. 45 мин., в Лемберге, на Лейтенштрассе, еще до сих пор неизвестной личностью было произведено покушение на вице-губерна-

тора Бауэра и доктора Шнайдера. Нападавший, видимо, стрелял из самозарядного пистолета сразу в обоих. Оба, раненные в грудь и живот, сразу скончались...

На месте происшествия найдены 2 гильзы калибра 7,65...

Возникает подозрение, что неизвестный преступник исполнил своим оружием много других покушений на рейхснемцев и других особ, которые занимают ответственные посты...

Краузе».

Затем в Краков был направлен рапорт уголовной полиции во Львове, который подтверждает уже известные события, но дополнительно сообщает, что тогда в штабе кроме подполковника Петерса был еще убит и ефрейтор Зайдель, — видимо, при попытке задержать Зиберта у выхода.

«31.I.1944 года, в 19 час. 30 мин., в доме военновоздушных сил, Лемберг, Валовенштрассе, № 11а, был застрелен подполковник Петерс. У преступника (речь идет об упоминаемом гауптмане Зиберте) имеется командировочное удостоверение на эту же фамилию...

При вскрытии трупов подполковника Петерса и ефрейтора Зайделя взяты образцы тканей, поврежденных выстрелами, которые при этом посылаем.

Прошу установить, нет ли идентичности между поврежденными тканями, взятыми при вскрытии трупов доктора Бауэра и доктора Шнайдера, и образцами, посылаемыми нами сегодня. Доктор Бауэр и доктор Шнайдер были убиты в Лемберге 9.II.1944 года на Лейтенштрассе, № 5. Осколки пуль и гильзы пересланы вам вместе с рапортом № 9 от 18.II.1944 года.

Комиссар уголовной полиции Фойгтлендер».

После освобождения Львова Б. П. Харитонову удалось разыскать очевидца событий, которые произошли на улице Ивана Франко (Лейтенштрассе). Вот что читаем у Бориса Петровича:

«...В то февральское утро София Доминиковна Дутко встала, как всегда, очень рано, еще затемно, чтобы до того, как вести сынишку в школу, успеть сделать часть работы. Надев халат и войлочные тапочки, она прихватила с собой ведро, тряпки, старые вытертые щетки для обметания пыли с книг и прошла в кабинет писателя. Она всегда начинала уборку с этой комнаты, испытывая особое почтение ко всем вещам, которые окружали здесь когда-то великого Каменяра.

С самим писателем она не встречалась. Иван Франко умер, когда Софийка была еще совсем маленькой. После смерти писателя в доме был открыт музей. София устроилась уборщицей в музей, ей отвели комнатку внизу. Шли годы. Во Львов пришла народная власть, стало шумно в музее от посетителей. Но грянула война, и снова все затихло. Скончалась жена Франко. Потом в дом нагрянули немцы и объявили, что здесь будет жить какой-то высокий чин. Часть вещей выбросили, привезли новую мебель. А София осталась уборщицей. Потом приехала из Канады Ганна (Гандзя), дочь Франко, и добилась выселения непрошеного гостя. Музей был восстановлен.

Убрав кабинет, София выключила свет, подняла шторы на окнах и отправилась в свою комнату. Стрелки будильника показывали семь часов. Пора было собирать Володю в школу. Занятия начинались в восемь. Разбудила сынишку, наскоро напоила его чаем, и они вышли во двор. Светало. Была оттепель...

У противоположного тротуара, у дома, в котором жил вице-губернатор Бауэр, стоял большой черный автомобиль. Шофер ожидал у калитки, чтобы открыть ее, когда появится его шеф. Машина была та же, что приезжала за генералом каждое утро...

Но тут справа с горы подъехала еще одна машина, маленькая, серого цвета, и встала у калитки музея. Из нее вышел высокий, стройный офицер и быстро направился через дорогу к генеральскому лимузину...

И тут София увидела, что из калитки своего особняка вышел Бауэр, а с ним еще какой-то немец, который тоже жил с ним в одном доме...

Как только Бауэр и сопровождавший его адъютант появились на тротуаре, к ним быстро подошел подъехавший на серой машине офицер. Он остановил Бауэра, видимо что-то спросил его. Генерал остановился, передал адъютанту папку и начал снимать перчатку, и в это время молодой офицер выбросил вперед руку с пистолетом, выстрелил, и оба немца упали. Выстрелов из пистолета София, пожалуй, даже не услышала, так как в это время из серой машины затрещал автомат в генеральского шофера.

А стрелявший подбежал к машине, прыгнул в открытую дверцу, и машина, рванувшись с места, сразу же скрылась за поворотом на Софиевскую улицу.

От дома, в котором жил губернатор Вехтер, бежали вниз по улице эсэсовцы. София схватила сына за руку и втащила его в калитку.

Тут же к месту происшествия примчались машины с гестаповцами, прибыла санитарная машина. Улицу оцепили.

Опасаясь, как бы сын не проболтался, София в тот же вечер отвезла его в село к родственникам...»

Утром 13 февраля «Львівські вісті» внесли ясность в происшедшее событие, которое взбудоражило город. На первой странице в траурной рамке был помещен портрет сухощавого немца в генеральском мундире. Под ним некролог, подписанный губернатором «дистрикта Галиция» Вехтером:

«9 февраля 1944 года во Львове пал жертвой большевистского нападения вице-губернатор д-р Оттон Бауэр, шеф правительства дистрикта Галиция. Вместе с ним погиб его ближайший сотрудник, начальник канцелярии президиума губернаторства дистрикта Галиция советник юстиции д-р Гейнрих Шнайдер...»

Весь аппарат гестапо был поставлен на ноги. Ни днем ни ночью не прекращались розыски, эксперты перевернули вороха секретных документов о террористических актах подпольщиков в различных оккупированных гитлеровцами городах. На стол начальника львовского гестапо гауптштурмфюрера СС Петера Краузе легли сообщения, полученные в разное время, о событиях в Ровно.

Краузе на допросе во Львове, куда он был доставлен в 1948 году, признал с кислой улыбкой:

— Да, много бед наделал этот Пауль Зиберт. Кроме Бауэра он застрелил начальника его канцелярии Шнайдера. Я в эти дни бегал по Лембергу, стараясь напасть на его след, как гончая собака, и все понапрасну...

Сопоставив все обстоятельства, эксперты пришли к выводу, что убийство во Львове является логическим продолжением ровенских событий. И во все концы Галиции разлетелось срочное распоряжение: любой ценой, живого или мертвого, найти террориста. Здесь же указывалась и награда за поимку «гауптмана Зиберта» — двадцать пять тысяч марок.

Двенадцатого февраля, в то самое время, когда набирался номер газеты «Лембергер цейтунг» с некрологом, Пауль Зиберт снова напомнил о себе. На рассвете серый «фиат» с нанесенным на нем фронтовым камуфляжем выехал на Винниковское шоссе: Пауль Зиберт — Грачев спешил к линии фронта.

Связь с «Центром» ему нужна была как воздух. Несколько дней тому назад, 8 февраля, он сумел проникнуть в здание Львовского оперного театра на совещание руководства «дистрикта Галиция». В руки советского разведчика попали сведения, которые трудно переоценить. Их нужно было передать командованию, а они лежали в кармане его френча мертвым грузом, не давали ни минуты покоя.

Машина, которую уверенно ведет Иван Белов, держит скорость около ста километров. Рискованно, но сидящий рядом Николай Васильевич, вперивший свой взгляд в ветровое стекло, спокойно подает короткие реплики-распоряжения. На заднем сиденье — Ян Каминский. Он следит за шоссе через заднее оконце.

О том, что произошло дальше, свидетельствуют документы из гестаповского архива.

Из рапорта 28.II.44 полиции безопасности и СД «дистрикта Галиция» полиции безопасности и СД правительства генерал-губернаторства о результатах расследования убийства вице-губернатора:

«14.II.44 в одной автомашине с фальшивыми регистрационными номерами найдены 2 гильзы от патронов калибра 7,65. Из этой автомашины 12.II.44 г. в Куровичах был убит военный патруль майор Кантер. Убийцы бежали. Этой же машиной пользовались при убийстве вице-губернатора д-ра Бауэра, д-ра Шнайдера, подполковника Петерса и ефрейтора Зайделя... Начальник полиции безопасности и СД».

Нашлись и свидетели событий, которые в тот февральский день далекого 1944 года стали невольными очевидцами событий на мосту у Куровичей.

...Майор фельджандармерии Кантер не случайно оказался в Куровичах. Он выполнял приказ: перекрыть трассу и не пропустить к линии фронта «гауптмана Зиберта» и его спутников. Подъезжая к мосту, разведчики еще издали заметили, что опущен шлагбаум, а регулировщик показывает флажком, где следует остановить машину. Проверка документов — явление для прифронтовой полосы обыденное, и оно особой тревоги не вызывало. Однако Белов остановился с таким расчетом, чтобы на случай чего-либо непредвиденного можно было легко свернуть на зимнюю дорогу, которая, видимо, служила для объезда на время ремонта моста.

Когда Кузнецов увидал, что к машине направляется майор фельджандармерии, он насторожился: обычно на контрольно-пропускных пунктах дежурят нижние чины, а тут — старший офицер. Как показали дальнейшие события, чутье не подвело разведчика. Майор ждал именно его — Пауля Зиберта. Взглянув в документ и поняв, что перед ним тот, кого он ищет, офицер потребовал, чтобы герр гауптман прошел с ним в караульное помещение «для оформления проезда в прифронтовую зону». Медлить больше нельзя было. Кузнецов натренированным до автоматизма жестом выхватил пистолет и, не целясь, выстрелил. Майор замятво рухнул на землю. Одновременно Каминский длинной очередью из автомата полоснул по солдатам, стоявшим у шлагбаума. Белов дал газ, и «фиат» юркнул на зимник. Все это произошло так быстро и неожиданно, что выскочившие на выстрелы мотоциклисты помчались вначале в направлении Львова. Беглецы тем временем, обогнув

Куровичи, снова выскочили на шоссе. Доехав до указателя «на Ганачив», машина остановилась. Потом еще километра четыре, преодолевая бездорожье, с трудом продвигалась вперед, затем двигатель заглох. Вышедшие из автомобиля трое людей столкнули «фиат» в овраг, а сами по заснеженной целине ушли в лес...

За разъяснением того, что произошло дальше, снова обратимся к дневникам Б. П. Харитонова. Эти записи сделаны им со слов Василия Дроздова, разведчика из группы Крутикова, сразу же после освобождения Львова.

«Несколько дней мы с Приступой¹ блуждали по лесу и наконец встретили евреев², которые жили в двух землянках, искусно построенных в глухом лесном овраге. Решили переждать здесь несколько дней, отдохнуть, отоспаться. И вскоре оба почти одновременно заболели тифом.

Вот тогда-то и пришли к нам Грачев с Каминским и Беловым...

Как сообщил Кузнецов (Дроздов, разумеется, все время называл его Грачевым), они с Каминским и Беловым уехали во Львов, когда отряд еще только пытался перейти железную дорогу Ровно — Ковель. Во Львове жили у знакомых Каминского. Кузнецов говорил, что видел в городе Харитонова и считал, что вся группа Крутикова благополучно дошла до города и нормально работает. Устанавливать контакт с группой не было необходимости: вскоре вблизи города должен появиться весь отряд.

Во Львове Кузнецов провел несколько террористических актов, а утром 9 февраля им были уничто-

¹ Другой разведчик из группы Б. Д. Крутикова.— К. З.

² Беженцев.— К. З.

жены два немецких генерала. После этого группа Кузнецова на несколько дней затаилась на квартире у родственников Каминского. В городе не появлялись. Машина стояла в сарае. В какой части города это было, Кузнецов Дроздову не сказал.

К тому времени Кузнецов из бесед с немцами уже знал, что большой отряд советских партизан, двигавшийся с севера в сторону Львова, после боев повернул обратно. Значит, отряд к городу не подойдет.

Вот почему Кузнецов решил ехать к фронту и попытаться его перейти.

Утром 12 февраля они выехали из города по дороге на Злочев. В пути их остановил пост полевой жандармерии. Кузнецов застрелил проверяющего офицера, и им удалось уехать из села. Но, опасаясь, что после этого немцы быстро перехватят их на дороге, Кузнецов с товарищами решили бросить машину и скрыться в лесу.

Они долго блуждали по лесу, часто меняя направление, и уже под вечер увидели крадущегося между кустов бородатого человека в старой, оборванной одежде.

По внешнему виду сразу можно было определить, что это один из скрывающихся от немцев и бандеровцев евреев. Он был страшно напуган внезапной и, казалось ему, губительной встречей с немцами. Кузнецов и Белов были в немецкой военной форме, и стоило большого труда убедить его в том, что перед ним не фашисты, а советские люди. Тогда он привел разведчиков в хорошо укрытую в овраге землянку, в которой жили еще несколько человек.

Утром, когда Кузнецов, пристроившись в уголке, при свете коптилки делал свои записи, он вдруг неожиданно услышал:

Мы шли на дело ночью темной
Громить коварного врага.
Кипела злоба партизана,
Нам жизнь была не дорога.

Это же их песня!

— Откуда вы знаете ее? — срывающимся от волнения голосом спросил он у напевавшего хозяина землянки. Разведчик был уверен, что пришла она в этот лес вместе с их отрядом.

— В соседней землянке ее напевают двое партизан.

Кузнецов попросил провести его к соседям. И здесь он встретился с лежащими Дроздовым и Приступой. Оба тяжело болели. Приступа бредил. У Дроздова кризис миновал, он был в сознании, но еще очень слаб.

До вечера просидел Николай Иванович у постели больного товарища. Рассказывал о событиях во Львове. Он торопился быстрее перейти линию фронта, связаться с командованием, сообщить о проделанной работе и получить новое задание. Надо было спешить: война на исходе.

В тот же день один из жителей землянки принес Кузнецову газету «Львівські вісті» с некрологом на погибших во Львове от рук партизан гитлеровских чиновников. Кузнецов внимательно прочел и взял газету с собой.

На следующий день Кузнецов, Каминский и Белов пришли попрощаться. Они решили идти к фронту. Перед уходом Кузнецов поделился с Дроздовым патронами для немецкого автомата.

И они ушли. С того дня никто из партизан с ними больше не встречался...»

После войны было написано много книг о Н. И. Кузнецове. Описывая его встречу с Дроздовым,

авторы допустили неточность, заявляя, что Дроздов к тому времени возглавлял партизанский отряд и все же отпустил товарищей одних в опасный путь, будто бы дав им в сопровождающие только Марка Шпильку и Самуила Эрлиха.

Кузнецов — немецкий офицер (а он до последнего своего часа был в форме) — не мог находиться в одной группе с беженцами-евреями. Больные Дроздов и Приступа сами были беспомощны, поэтому не могли сопровождать Кузнецова, Каминского и Белова. Позднее, когда Дроздов окреп, он действительно возглавил небольшую группу партизан. После освобождения Львова группа Дроздова была расформирована. Дроздов и Приступа ушли на фронт. Оба дожили до Дня Победы. Но жизнь их оборвалась трагически. Дроздова растерзала в 1945 году оуновская банда в Боратине, куда он приехал повидаться с малолетней дочкой, которую воспитывали родители жены, также погибшей от бандитской пули. Федор Приступа погиб после войны в дорожной катастрофе. Он тогда работал председателем колхоза под Ковелем.

Да, никто из медведевцев больше никогда не встречал Николая Ивановича Кузнецова. В его жизни и смерти, в его подвигах много легендарного, неизвестного. Многое не удастся выяснить до сих пор и о его деятельности во Львове. Где, у кого нашли убежище три боевых друга в этом городе, в котором даже тот, кто останавливался лишь на ночлег, обязан был под страхом смертной казни регистрироваться в комендатуре? А ведь группе Кузнецова пришлось пробыть во Львове не один день. Немало и других весьма существенных вопросов ждут выяснения.

...Перед нами разрозненные последние странички летописи жизни-подвига отважного разведчика. Приводимый ниже документ, как и другие, цитируемые

на последующих страницах этой книги, обнаружен в архивах фашистской тайной полиции, чиновники которой в паническом бегстве даже не успели замести следы своих черных дел.

«Секретно. Государственной важности. Лемберг. 2.IV.1944 г.

Телеграмма-молния

Главному управлению имперской безопасности для вручения СС группенфюреру и генерал-лейтенанту полиции Мюллеру лично.

Берлин.

Во время одной из встреч 1 апреля 1944 года украинский делегат ОУН группы Бандеры, обсуждавший с нами возможности совместной работы против большевизма, сообщил, что одним подразделением УПА¹ 2 марта 1944 года задержаны в лесу вблизи Белогородки, в районе Вербы (Волынь), три советских агента.

УПА удостоверило личность трех арестованных, как свидетельствует ниже:

1. Руководитель группы под кличкой «Пух» имел фальшивые документы обер-лейтенанта германской армии, родом якобы из Кенигсберга. На удостоверении была его фотография в униформе немецкого обер-лейтенанта.

2. Поляк — Ян Каминский.

3. Стрелок — Иван Власовец, под кличкой Белов, шофер «Пуха».

Все арестованные советско-русские агенты имели фальшивые немецкие документы, богатый материал: карты, немецкие, украинские и польские газеты, сре-

¹ Украинская повстанческая армия (УПА) — так именовали свои вооруженные банды прислужники фашистов — украинские буржуазные националисты. — К. З.

ди которых: «Лембергер цейтунг»¹, а также отчет об их агентурной деятельности на территории немецко-русского фронта.

Судя по этому отчету, составленному лично «Пухом», им и двумя его сообщниками, в районе Лемберга были совершены следующие акты:

...После выполнения задания в районе Ровно «Пух» направился в Лемберг и получил убежище у одного поляка. Затем «Пуху» удалось проникнуть на совещание высших представителей власти в Галиции под руководством губернатора д-ра Вехтера.

«Пух» имел намерение застрелить при этих обстоятельствах губернатора д-ра Вехтера. Но из-за строгости предупредительных мер гестапо этот план не удалось осуществить, и вместо губернатора убиты вице-губернатор д-р Бауэр и секретарь последнего д-р Шнайдер... В своем отчете «Пух» описывает акт убийства подробно, до мельчайших подробностей.

После совершения акта «Пух» и его сообщники скрывались в районе Злочева, Луцка, Киверцев. Они нашли приют у евреев, которые скрывались от властей. От них они получили карты и газеты и, между прочим, экземпляр «Лембергер цейтунг», в которой помещен некролог в связи с убийством Бауэра и Шнайдера.

В это время у них произошло столкновение с гестаповцами, когда те пытались проверить их автомашину. При этом «Пух» застрелил одного из сотрудников гестапо. В отчете имеется точное описание событий.

При другой проверке автомашины «Пух» снова застрелил одного немецкого офицера и его адъютанта, а после этого он вынужден был бросить автомашину.

¹ «Львовская газета». — К. 3.

Чтобы пробиться в Ровно и дальше в сторону немецко-русского фронта, ему пришлось бежать в лес.

«Пух» имел намерение лично сдать свои отчеты одному из руководителей советско-русской армии, который отправил бы их дальше, в Москву...

...Задержанный подразделением УПА советско-русский террорист, несомненно, есть давно разыскиваемый нами Пауль Зиберт, который похитил в Ровно среди прочих генерала Ильгена, а в дистрикте Галиция застрелил подполковника авиации Петерса, старшего ефрейтора авиации, вице-губернатора д-ра Бауэра и его президиалшефа д-ра Шнайдера, а также майора полевой жандармерии Кантера.

Подробности, имеющиеся в отчете «Пука» («Зиберта»), о местах и времени совершения актов, захваченных боеприпасах и др. кажутся совсем точными.

От боевой группы Прюцмана поступило сообщение, что «Пауль Зиберт» и оба его сообщника были расстреляны на Волыни при попытке к бегству.

Представитель ОУН пообещал, что полиции безопасности будут сданы все материалы в копиях и оригиналах.

...Приобретением ценнейших материалов «Пука», то есть «Пауля Зиберта», будет выяснено исключительно важное дело государственной полиции.

Во вторник, 4.IV.44 года, в 11 час., состоится встреча референта-информатора с делегатом группы ОУН-бандеровцев, и нужно принять все меры к тому, чтобы ценный материал, необходимый государственной полиции, не попал в руки вермахта.

Начальник полиции безопасности и СС дистрикта Галиция д-р Витиска СС, оберштурмбанфюрер и имперский советник управления».

Бывший командир отряда «Победители» Герой Советского Союза Д. Н. Медведев частично пересказал этот документ в своей книге «Сильные духом», приведен он и в ряде других изданий. Но, к сожалению, везде в разной редакции. В полном виде, хотя не без некоторых пропусков, в массовой литературе эта телеграмма нами приводится впервые.

Некоторые расхождения, как, например, со званием Пауля Зиберта, объясняются тем, что бандеровцы, будучи не весьма сведущими в немецком языке и порядке оформления офицерских документов, неверно сделали перевод графы «место призыва» в «зольдатенбухе», о котором мы уже говорили, обозначив ее как «место рождения» владельца «солдатской книжки». Также ошибочно указано бандеровцами офицерское звание Зиберта — обер-лейтенант, тогда как ниже в тот же послужной список было вписано очередное звание, «присвоенное» в отряде, — гауптман. Однако, несмотря на это, ценность документа безусловно велика, поскольку он содержит, хотя и не слишком подробные, сведения о последнем этапе деятельности группы Кузнецова. Вместе с тем документ ставит перед нами новые вопросы: кто был тот патриот-поляк, давший убежище советскому разведчику с риском для собственной жизни? Что это за столкновение с гестаповцами при проверке машины, когда оно произошло? Откуда или, вернее, каким образом стала известна бандеровцам настоящая фамилия Белова? И наконец, как очутился Кузнецов со своими друзьями в районе Луцка и Киверцев? Каким образом он пробивался в Ровно, чтобы перейти линию фронта? Все это пока остается невыясненным.

До последнего времени мало кому, кроме специалистов, известен другой секретный гестаповский документ, датированный 29 марта 1944 года, несколь-

кими днями раньше телеграммы-молнии шефу гестапо Мюллеру. Но прежде чем его привести, необходимо сделать некоторые пояснения, чтобы стало понятным происхождение документа.

Немецко-фашистские захватчики отступали. С каждым днем Советская Армия продвигалась все ближе к западным областям Украины. Гитлеровцы и главари украинских буржуазных националистов откровенно нервничали. В целях более тесного сотрудничества с оголтелыми бандами оуновских громил и более полного использования их в вооруженной борьбе против Советского Союза полиция безопасности и СД «дистрикта Галиция» выделила своего представителя — гауптштурмфюрера СС и комиссара уголовной полиции Паппе. От оуновского руководства поддерживать связь с ним было поручено Гриньоху, которого гестаповцы в секретных документах для конспирации называли Герасимовским.

Отщепенец украинского народа Иван Гриньох, священник, окончивший католическую духовную академию в Инсбруке, капеллан прославившегося своими зверствами батальона «Нахтигаль», награжденный нацистами железным крестом, — активный участник расправы над интеллигенцией Львова в июле 1941 года. Это был тот Гриньох, который в фашистских газетах подписывал свои статьи фамилией Коваленко; в июле 1944 года он занял «пост» вице-президента «Украинского главного освободительного совета» — УГОС. Это был тот Гриньох, который после войны установил тесный контакт с разведкой США и под ее руководством занимался засылкой на территорию Советской Украины шпионов в 1951—1952 годах, а в 1955 году стал консисториальным советником украинской католической церкви в Западной Германии.

Беседы Паппе и других гестаповских шефов с агентом-осведомителем Герасимовским стенографировались или записывались. На каждой такой записи стоят грифы: «секретно, государственной важности», «рассматривать как государственную тайну» и пр.

Первая встреча Герасимовского с Паппе состоялась 6 марта 1944 года в Тернополе, на частной квартире местного руководителя полиции безопасности и СД гауптштурмфюрера СС Крюгера. Гриньох сообщил Паппе, что бандеровская верхушка приветствует тесное сотрудничество с немецкой шпионской службой и уполномочивает его, Гриньоха, быть ее представителем в полиции безопасности и СД.

О результатах новой встречи с Герасимовским Паппе информировал руководство службы безопасности:

«Лемберг, 29 марта 1944 г.
Секретно. Государственной важности

Во время встречи с паном командиром 27.3.1944 г. Герасимовский, между прочим, сообщил, что одному из отрядов УПА за линией фронта удалось взять в плен разных большевистских агентов. Проводником группы агентов из 3—4 человек был человек, одетый в форму обер-лейтенанта немецких вооруженных сил. Кроме того, эта группа агентов имела при себе материалы, относящиеся к убийству шефа управления Бауэра... Герасимовский не знает, живы ли еще пойманные отрядом УПА агенты, однако он пообещал пану командиру собранный подтверждающий материал доставить в полицию безопасности, а также агентов, если они еще живы и их возможно будет перевести через линию фронта.

Криминал-комиссар».

Примерно так же сообщается об этой встрече и в другом источнике. «При встрече пана коменданта Витиски с Гриньохом 28 марта 1944 года, — писал Паппе, — последний, между прочим, отметил, что одному из отрядов УПА удалось взять в плен... большевистских агентов. Вожаком... трех или четырех человек был человек, одетый в форму обер-лейтенанта немецкой армии. Группа имела при себе материалы, которые можно связать с убийством руководителя управления Бауэра... Гриньох обещал... доставить захваченные материалы и агентов, если они живы, в полицию безопасности».

В главной своей сути оба документа идентичны. О том, что оуновские предатели украинского народа повинны в гибели Н. И. Кузнецова, свидетельствует также секретная записка из архива бывшей канцелярии генерал-губернатора Польши военного преступника Франка о совещании 12 мая 1944 года в Краковском замке. В ней, в частности, отмечается, что один из отрядов УПА захватил в плен и расстрелял в восточной части «дистрикта Галиция» советского разведчика, который уничтожил вице-губернатора Бауэра.

«Мы до сих пор с полной достоверностью не знаем всех обстоятельств гибели Кузнецова. Слишком бурные события ожгли землю, где прошли последние дни его жизни и борьбы, слишком отрывочны и во многом противоречивы свидетельства дошедших до нас документов. Но мы знаем главное — Николай Иванович Кузнецов умер, как и жил — героем», — написано в одной из биографических книг о Кузнецове. И в этих словах — правда о жизни и подвиге легендарного героя.

Летом 1943 года на центральной площади города Ровно должен был состояться парад, на котором ожидалось присутствие Коха и других главарей рейхскомиссариата «Украина». Во время «торжества» Кузнецов со своими боевыми товарищами должен был уничтожить Эриха Коха. Отправляясь на выполнение этого ответственного, связанного со смертельным риском задания, Николай Иванович оставил в отряде «Победители» запечатанный конверт с надписью: «Вскрыть после моей гибели».

Кох не прибыл на парад и на этот раз ушел от народного возмездия. Но письмо осталось. После того как стало ясно, что Грачев никогда уже не вернется со своего последнего задания, пакет вскрыли. Текст его приводит в своей книге «Сильные духом» Герой Советского Союза Д. Н. Медведев. Вот они, пламенные строки письма-завещания Кузнецова:

«25 августа 1942 года, в 24 час. 05 мин., я опустился на парашюте, чтобы беспощадно мстить за кровь и слезы наших матерей и братьев, которые стоят под ярмом немецких оккупантов.

Одиннадцать месяцев я изучал врага, пользуясь мундиром немецкого офицера. Я готовился к смертельному для врага удару, пробирался в самое логово сатрапа — немецкого тирана на Украине Эриха Коха.

Задание очень важное, и, чтобы его выполнить, нужно пожертвовать своей жизнью, ибо уйти из центра города после удара по врагу на параде — совершенно невозможно. Я люблю жизнь, я еще очень молод. Но потому, что Отчизна, которую я люблю, как свою родную мать, требует от меня пожертвовать жизнью во имя освобождения ее от немецких оккупантов, я сделаю это. Пусть знает весь мир, на что способен русский патриот и большевик. Пусть

запомнят фашистские главари, что покорить наш народ невозможно так же, как и погасить солнце. Немецкие кретины Гитлер, Кох и компания думали уничтожить наш великий советский народ. По своему скудоумию они думали, что в море крови можно утопить русский и другие братские народы СССР.

Они забыли или не знали истории, эти дикари XX века... Пусть я умру, но в памяти моего народа я буду бессмертен.

«Пускай ты умер! Но в песне смелых и сильных духом всегда ты будешь живым примером, призывом гордым к свободе, к свету».

Это мое любимое произведение Горького, пусть чаще читает его наша молодежь...

Ваш Кузнецов».

Он был мечтателем и романтиком, этот беззаветной храбрости человек. Мечтал он о счастливом будущем и находясь полтора года над пропастью. В. К. Довгер вспоминает:

— В короткие часы отдыха у нас на конспиративной квартире Николай Иванович часто говорил о том, как мы пройдем улицами послевоенного Ровно — красивого, поднявшегося из руин и пепла...

Однажды у костра на партизанской стоянке Николай Кузнецов говорил:

— Если после войны мы будем рассказывать о том, как и что мы делали, этому едва ли поверят. Да я и сам, пожалуй, не поверил бы, если не был бы участником этих дел.

Не суждено ему было дожить до Победы, не суждено было пройти по улицам города его боевой молодости. Но и сегодня он живет среди нас. Он погиб как Сокол из песни, которую так любил. Погиб, сражаясь до последнего вздоха. Его помнит благодарная

Родина, воспитавшая и пославшая верного сына на подвиг.

5 ноября 1944 года Указом Президиума Верховного Совета СССР Николаю Ивановичу Кузнецову было посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

Не только в бронзе и граните памятников сохранится для будущих поколений память о герое Отечественной войны, чей подвиг известен всему миру. Живет, не умирая, и будет жить в веках имя героя.

Содержание

Воскрешая славу партизан-патриотов...	3
С чего начинается подвиг	7
Тропою гнева	15
В чужом мундире	36
Визит в логово сатрапа	52
Сенсация: украли генерала!	66
За правое дело	90

Ким Петрович Закалюк
ГРАЧЕВ — «ЦЕНТРУ»

На 4-й стр. обложки:
памятник Герою Советского Союза Н. И. Кузнецову
в г. Львове

Заведующий редакцией *А. И. Котеленец*
Редактор *Л. Б. Ястребов*
Младший редактор *Г. Д. Вуколова*
Художественный редактор *Г. Ф. Семиреченко*
Технический редактор *О. М. Семенова*

Сдано в набор 29 октября 1976 г. Подписано в печать
20 января 1977 г. Формат 70×108¹/₃₂. Бумага типограф-
ская № 1. Условн. печ. л. 5,60. Учетно-изд. л. 5,11. Тираж
200 тыс. экз. А 01520. Заказ № 1190. Цена 19 коп.

Политиздат. 125811, ГСП, Москва, А-47, Миусская пл., 7.

Ордена Ленина типография «Красный пролетарий».
Москва, Краснопролетарская, 16.

19 коп.

ПОЛИТИЗДАТ • 1977